

РѢЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

ВЪ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

17 Іюня 1841.

МОСКВА.

О ВЛІЯНІИ
МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ НА РАЗВИТІЕ УМСТВЕННЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Ординарнымъ Профессоромъ,

Николаемъ Брашманомъ.

Іюня 17 дня 1841 года.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1841.

Напечатано по опредѣленію Университетскаго Совѣта. Іюня 10 дня 1841 года.

Секретарь Совѣта Михаилъ Пазимовъ.

Почтеннѣйшіе посѣтители!

Между благими дѣйствіями Правительства улучшеніе образованія юношества есть одно изъ тѣхъ, которыя непосредственно ощутительны милліонамъ вѣрноподданныхъ. Усовершеніе общественнаго воспитанія, касаясь дѣтей, драгоцѣннѣйшаго сокровища для каждаго гражданина, должно одушевлять всѣхъ чувствами глубокой благодарности къ Тому, Кто щедро изливаетъ безпримѣрныя милости на распространеніе свѣта наукъ въ обширнѣйшей Имперіи, къ Отцу Отечества, ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I. Каждый Россіянинъ раздѣляетъ эти чувствованія; всякому отрадно видѣть, какъ могущественнѣйшая Держава въ стремленіи своемъ къ развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ, соразмѣрно огромнымъ силамъ вещественнымъ, быстро идетъ въ своемъ совершенствованіи; утѣшительно надѣяться, что, можетъ быть, не слишкомъ отдалено отъ насъ то время, когда она займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ просвѣщенномъ мірѣ. Такія чувствованія, исполняющія всѣхъ и каждаго, живѣе радуютъ тѣхъ, которые сами имѣютъ счастіе быть сподвижниками просвѣщенія. Всякое размышленіе о какой-либо отрасли воспитанія находитъ ободреніе въ ихъ безпристрастномъ сужденіи. Проникнутый этими мыслями, и желая принести также дань усердія моего къ успѣшнѣйшему раскрытію духовнаго организма при воспитаніи, я намѣренъ занять вниманіе Ваше, Почтеннѣйшіе Посѣтители, изложеніемъ *вліянія математическихъ наукъ на развитіе умственныхъ способностей.*

Въ ученомъ воспитаніи различаютъ два періода: первый предназначается на совокупное развитіе всѣхъ душевныхъ способностей, нрав-

1

ственныхъ, умственныхъ и эстетическихъ; въ этомъ періодѣ ученіе должно быть общее, энциклопедическое; элементами его можно только избирать такіе предметы, которые служатъ необходимымъ основаніемъ всѣмъ другимъ знаніямъ, и приводятъ совокупно въ дѣйствіе всѣ силы духовнаго организма. Во второмъ періодѣ ученіе больше направляется къ спеціальному кругу дѣйствія въ жизни; оно приготовляетъ многихъ для распространенія наукъ, а избранныхъ—для расширенія ихъ предѣловъ, и вообще имѣетъ въ виду приложеніе наукъ къ пользѣ общественной.

Издавна существуютъ различныя мнѣнія о томъ, какое участіе математическія науки должны имѣть въ первомъ періодѣ воспитанія. Одни хотѣли слишкомъ его распространить, другіе, напротивъ — ограничить; только въ послѣднее время эти науки вездѣ почти получили большій объемъ въ спеціальномъ и въ общемъ образованіи. Мудрое наше Правительство показало, что оно назидательно слѣдуетъ за успѣхами просвѣщеннѣйшихъ Государствъ въ Европѣ: оно знаетъ, что хотя духовная пища, подобно вещественной, нужна всѣмъ Государствамъ и всѣмъ сословіямъ общества, но не можетъ быть передаваема ни одинакимъ образомъ всѣмъ народамъ, ни въ одинакой степени всѣмъ сословіямъ. Дѣйствительно, всѣ благотворныя, важныя преобразованія въ дѣлѣ просвѣщенія, производимыя передъ нами, согласны съ требованіями Православной вѣры, народности и блага Отечества. Ученіе вообще улучшено и распространено, и въ числѣ прочихъ предметовъ возвышены науки математическія. Никто нынѣ не сомнѣвается въ великой важности этихъ наукъ и въ неисчислимой пользѣ ихъ приложеній; но о дѣйствіи ихъ на умственныя способности доселѣ думаютъ различно. Одни принимаютъ математику и ея приложенія за лучшее средство для развитія вѣрнаго сужденія, за такое упражненіе ума, которое приучаетъ занимающихся къ глубокому размышленію, изощряетъ умственныя способности; другіе съ этимъ не соглашаются. Сущность всего, что было писано въ древнемъ и новомъ ученомъ мірѣ противъ математики, Профессоръ логики и метафизики Эдинбургскаго Университета, Гемельтонъ, знаменитый діалектикъ, собралъ въ одну статью, написан-

ную противъ Профессора Кембриджскаго Университета, Іоеля (*). Сей извѣстный по своимъ сочиненіямъ ученый утверждалъ, что математика лучше развиваетъ умственныя способности, нежели логика; а Гемельтонъ старался доказать рядомъ различныхъ свидѣтельствъ и нѣкоторыми доводами, что математическія науки не только не развиваютъ умственныхъ способностей, но даже притупляютъ ихъ, и что онѣ вредны въ нравственномъ отношеніи. Хотя Гемельтонъ говоритъ, что онъ опровергаетъ только слишкомъ исключительное ученіе математики, замѣнившее древнюю словесность, но о томъ, кажется, уже никто нынѣ не споритъ, и всѣ соглашаются, что въ общемъ образованіи математика не можетъ быть главнымъ предметомъ воспитанія; его же сужденія направлены противъ математики вообще. Вотъ главное ихъ содержаніе.

1 е. По словамъ Скалигера (стр. 326), великій геній не можетъ быть великимъ геометромъ, потому что для ума огромнаго, математика кажется трудною или лучше сказать тягостною отъ излишней простоты (стр. 324); поэтому глубокомысленный философъ Бель не могъ понять доказательства перваго предложенія Евклидова, а филологъ Вольфъ, утонченный критикъ, казался совершенно непонятливымъ въ математикѣ.

2 е. Будто, по мнѣнію Даламберта (стр. 365), математика можетъ уклонить умъ отъ прямаго пути, а не вывести на путь истинный; изъ этого заключили, что математика безполезна для первоначальнаго образованія.

3 е. Математики ничего не знаютъ о причинахъ явленій; философы раскрываютъ ихъ причины; *ихъ* истины суть согласіе мысли съ существующимъ.

4 е. Математики принимаютъ слѣпо данныя и выводятъ только изъ нихъ вѣрныя умозаключенія (стр. 331.) Вѣроятность геометру неизвѣстна (стр. 345 и проч.). Онъ впадаетъ или въ мистицизмъ, или въ матеріализмъ.

(*) Эта статья напечатана подъ заглавіемъ: *De l'Étude des Mathématiques* въ сочиненіи: *Fragmens de Philosophie par M. William Hamilton, traduits de l'Anglais par M. Louis Preisse. Paris* 1840.

5 е. Въ занятіяхъ математическими науками умъ нашъ не дѣйствователь, а просто зритель (стр. 314.).

6 е. Математика не только не возбуждаетъ и не увеличиваетъ мыслящей способности, но даже ослабляетъ и дѣлаетъ ее неспособною къ постоянному напряженію, какого требуютъ философія (стр. 341), другія науки и вопросы житейскіе.

Еслибъ эти приговоры были основательны, то не льзя бы не сожалѣть, что объемъ ученія математическихъ наукъ увеличенъ въ учебныхъ заведеніяхъ общаго образованія, и, не отрицая матеріальной пользы этѣхъ наукъ, въ чемъ никто не сомнѣвается, мы должны бы сознаться, что онѣ въ спеціальномъ образованіи приносятъ столько же вреда умственнымъ способностямъ и нравственности, сколько матеріальной пользы въ приложеніяхъ къ жизни. Но подтверждаются ли эти обвиненія опытомъ и сужденіемъ? Я надѣюсь доказать противное, именно, *что надлежащее занятіе математическими науками увеличиваетъ объемъ ума, изощряетъ его, и возвышаетъ нравственность.* Надѣясь на Ваше снисхожденіе, Почтеннѣйшіе Посѣтители, къ недостаткамъ моего изложенія, приступаю къ самому предмету, и прошу благосклоннаго Вашего вниманія.

Не стану разсматривать, дѣйствительно ли философъ Бель не могъ понимать перваго предложенія Евклидова, и можно ли довѣрять свидѣтельству, что утонченный критикъ Вольфъ казался вовсе непонятливымъ въ математикѣ. Не буду разбирать, отъ чего произошли такія неудачи: отъ того ли, что другія способности уже были слишкомъ развиты на счетъ способности судительной о предметѣ, котораго начала не доставляли довольно пищи ихъ воображенію, или отъ того, что учитель математики не умѣлъ внушить имъ охоты къ своей наукѣ, или наконецъ отъ какой-либо аномаліи въ ихъ духовномъ организмѣ. Вы вѣрно знаете, Почтеннѣйшіе Посѣтители, многіе примѣры столь же великихъ умовъ, каковы Бель и Вольфъ, понимавшихъ первое предложеніе Евклида и вообще понятливыхъ въ математикѣ. Двѣнадцатилѣтній Паскаль, извѣстный игривымъ

своимъ воображеніемъ и глубокомысліемъ, не только понималъ Евклида, но даже самъ открылъ доказательства многихъ его теоремъ. Кеплеръ, Декартъ, Ньютонъ, Даламбертъ, Эйлеръ, Лапласъ, Лагранжъ, Фурье и другіе, понимавшіе хорошо Евклида, вѣрно не лишатся эпитета великихъ умовъ, и доказываютъ собою, что великій геній можетъ быть великимъ геометромъ.

Знающимъ человѣческое сердце извѣстно, что самолюбіе и другія страсти заставляютъ многихъ считать лишь только то полезнымъ и достойнымъ уваженія, что они сами дѣлаютъ, и унижать занятія другихъ. Нападки Скалигера на математиковъ дѣйствительно имѣли основаніемъ оскорбленное самолюбіе. Исполненный самонадѣянности Скалигеръ, впадавшій во многія заблужденія, не только не презиралъ математики, но старался пріобрѣсть славу между геометрами рѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ-то: о квадратурѣ круга, удвоеніи куба и проч. Съ этою цѣлью онъ печаталъ свои рѣшенія, какъ весьма важныя открытія, и показалъ новый способъ къ преобразованію календаря, по его мнѣнію, лучшій способа Клавіуса. Но всѣ эти новости, изложенныя съ обиднымъ самохвальствомъ, возбудили противъ Скалигера общее негодованіе, и между прочими Клавіусъ показалъ, что они содержатъ только собраніе очевидныхъ паралогизмовъ. Съ тѣхъ поръ Скалигеръ нападалъ на математиковъ, и это обстоятельство достаточно объясняетъ его выходки. Мы находимъ подобный примѣръ въ срединѣ XVI вѣка. Томасъ Гоббесъ (Hobbes) упорствовалъ и не сознавался въ своихъ погрѣшностяхъ на счетъ квадратуры круга, толстоты шара, удвоенія куба и проч. Но Валлисъ доказалъ, что всѣ его такъ называемыя открытія состоятъ единственно изъ ряда жалкихъ паралогизмовъ, и Гоббесъ, претерпѣвъ за это многія насмѣшки, сталъ писать съ ожесточеніемъ противъ геометріи и геометровъ. Нелѣпыя сужденія его обличаютъ человѣка, который днемъ былъ безбожникомъ, а ночью боялся призраковъ.

Вообще видно изъ исторіи, что шутки и подобныя выходки противъ математики происходили или отъ умовъ поверхностныхъ, или отъ незна-

комыхъ вовсе съ математикою, или отъ какого-либо предубѣжденія и пристрастія. Самъ философъ Бель, рѣшительный пирронистъ, говоря, что даже математика имѣетъ свою слабую сторону, сознаетъ покрайней мѣрѣ ту истину, что только философъ и математикъ въ состояніи опровергать удачно положенія этой науки; опытъ же показалъ, что глубоко знающій математику и добросовѣстный ученый бываетъ всегда ея защитникомъ. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ, взглянувъ на древнюю Грецію. Кто были рѣшительные противники математики? Пирронъ и Епикуръ. Первый имѣлъ въ виду возбуждать сомнѣніе противъ всѣхъ человѣческихъ знаній. Пирронисты утверждали, что не существуетъ ни тѣло, ни пространство. Но они должны бы покрайней мѣрѣ сознаться, что для всякаго тѣла существуетъ нѣчто опредѣленное, производящее въ насъ понятіе о тѣлѣ, и какая бы ни была причина, производящая въ насъ понятія о пространствѣ и непроницаемости, она дѣйствуетъ точно такъ, какъ самое тѣло, и нѣтъ надобности допытываться, существуетъ ли внѣ насъ дѣйствительно тѣло, или нѣчто другое, что совершенно замѣняетъ тѣло. Что сказать о пирронистѣ Секстѣ Эмпирикѣ, который утверждалъ, что нѣтъ ни тѣла, ни пространства, уничтожалъ науку сужденія, и вмѣстѣ съ этимъ вѣрилъ въ астрологію, какъ въ науку, выведенную изъ опытовъ? И Епикуръ былъ противъ ученія математики; потому что не могъ убѣдить геометровъ въ истинѣ своей системы, будто солнце не только не болѣе, но даже менѣе той величины, въ какой оно намъ представляется; что свѣтъ звѣздъ, при ихъ захожденіи, гаснетъ, при восхожденіи же онѣ вновь возжигаются, и тому подобное. Справедливо Цицеронъ обращаетъ его ученіе въ насмѣшку. Епикуръ хвалился, что онъ никогда не имѣлъ учителя. «Этому можно вѣрить безъ клятвы, говоритъ Цицеронъ (De finibus bon. et mal. I. I, § 7); но онъ бы лучше сдѣлалъ, если бы бралъ уроки изъ геометріи, которую такъ унижалъ; это благотворное ученіе могло бы его избавить отъ большей насмѣшки.« Сократъ хотя мало уважалъ математику, но не отрицалъ ея пользы для жизни. Онъ былъ убѣжденъ, что человѣкъ долженъ только заниматься предметами, улучшающими его нравственность. Мы совершенно согласны въ томъ, что и великій геній безъ

нравственности не заслуживаетъ уваженія; но что же сказать о нравственномъ вліяніи всеобъемлющей науки въ нынѣшнемъ ея состояніи, когда еще въ дѣтствѣ своемъ она пособила Цицерону (Tuscul. quaest. lib. 1.) изъ остроумія астрономовъ вывести главное доказательство того, что душа человѣческая есть образъ Божій? „Какія богатства, какіе вѣнцы, восклицаетъ онъ съ восторгомъ (lib. 5 ibid.), могутъ сравниться съ удовольствіями, какія чувствовали Пиѳагоръ, Демокритъ и Анаксагоръ! Сколько наслажденій долженъ чувствовать мудрецъ въ созерцаніи удивительнаго зрѣлища міра!"

Вообще всѣ философы, своею ученостію и нравственностію пріобрѣтшіе уваженіе, оказывали особенную привязанность къ математикѣ. Ѳалесъ, Пиѳагоръ, Демокритъ, Анаксагоръ, Платонъ, Ксенократъ и проч. содѣйствовали всѣми способами успѣхамъ математики въ Греціи. Платонъ говорилъ (in Phaedro et libr. 7 de Republica), что тѣ, которыхъ способности медленны и не раскрыты, становятся по мнѣнію всѣхъ умнѣе и понятливѣе, когда занимаются ариѳметикою. Выслушаемъ еще Иппократа, который, совѣтуя своему сыну учиться геометріи и ариѳметикѣ, прибавляетъ: „она не только прославитъ жизнь твою и приготовитъ ее на пользу другимъ, но содѣлаетъ твой умъ острѣе и способнѣе даже въ отношеніи къ предметамъ медицины." Тоже подтверждаетъ знаменитый Боергавъ. Между многочисленными свидѣтелями въ пользѣ математики привожу наконецъ Локка, въ которомъ Гемельтонъ полагаетъ (стр. 349) также опору своего мнѣнія. Локкъ утверждаетъ (De la conduite de l'entendement § 6), что математика весьма полезна для пріученія ума къ разсужденію точному и послѣдовательному. „Я не требую, чтобы всѣ были математиками, говоритъ онъ; но кто этимъ ученіемъ пріобрѣлъ вѣрный методъ разсуждать, тотъ можетъ прилагать его и къ другимъ наукамъ."

Но мнѣ скажутъ: какое довѣріе заслуживаютъ приведенныя мнѣнія древнихъ и новыхъ философовъ, если знаменитый геометръ и философъ Даламбертъ почитаетъ математику безполезною для первоначальнаго образованія? Признаемся, что мнѣніе Даламберта чрезвычайно важно въ от-

ношеніи къ математикѣ; но мы нигдѣ не находимъ въ его сочиненіяхъ приведенныхъ мыслей. Напротивъ, вотъ его слова касательно первоначальнаго образованія (D'Alambert oeuvres. Paris 1822 vol. IV pag. 488 collège). „Дѣти способнѣе къ прилѣжанію и размышленію, нежели какъ обыкновенно „думаютъ: это показываютъ опыты, и если бы ихъ учили геометріи, то „я не сомнѣваюсь, что чудныя дарованія и геніи въ семъ родѣ были бы не „такъ рѣдки." Онъ даже впадаетъ въ другую крайность, которую можно приписать тогдашнему пренебреженію изученіемъ Французскаго языка (стр. 485 ibid.). „За чѣмъ проводить шесть лѣтъ, скажу его словами, чтобы научиться кое-какъ мертвому языку? Я совсѣмъ не думаю охуждать изученія языка, на которомъ писали Гораціи и Тациты: это знаніе необходимо, чтобы пользоваться ихъ превосходными сочиненіями; но я полагаю, что должно бы ограничиться однимъ разборомъ ихъ сочиненій, и время, употребляемое на Латинскія сочиненія, почитаю совершенно потеряннымъ. Гораздо лучше употребить его на глубокое изученіе роднаго языка, который обыкновенно знаютъ неосновательно, по окончаніи Гимназическаго курса, и даже не знаютъ до такой степени, что неправильно на немъ говорятъ."

Не трудно бы привести многихъ другихъ свидѣтелей противъ философовъ, мистиковъ, скептиковъ, педагоговъ, знающихъ и вовсе незнающихъ математики, которые служатъ почти единственною опорою приговоровъ Гемельтона: но тотъ, кто въ предметѣ, подлежащемъ сужденію, основываетъ главную силу своихъ доводовъ на свидѣтельствахъ, обнаруживаетъ совершенное незнаніе самаго предмета; поэтому почитаю излишнимъ доказывать, что многіе изъ славнѣйшихъ именъ, приводимыхъ Гемельтономъ, убѣждаютъ въ противномъ тому, что онъ думаетъ изъ нихъ вывести.

Оставляя свидѣтельства, обращаюсь къ третьему возраженію: будто математики не занимаются причинами явленій, а одни философы ихъ объясняютъ. Это справедливо въ нѣкоторомъ отношеніи; дѣйствитель-

но, математики и не предполагають открывать первоначальныхъ причинъ явленій: онѣ извѣстны одному Создателю; но всякій можетъ убѣдиться, даже изъ элементарныхъ курсовъ прикладныхъ наукъ математики и теоріи исчисленія вѣроятностей, что, сколько полезно и по состоянію науки возможно, геометры несравненно удачнѣе восходятъ отъ явленій къ причинамъ, нежели философы. Правда, что математики не занимаются сущностію вещей, потому что они почитаютъ ее для себя тайною; но если и эта тайна должна когда-либо проясниться для насъ, то едва ли это произойдетъ отъ философіи, которой слѣдуетъ Гемельтонъ. Было время, когда имя Аристотеля предписывало людямъ, чему должно вѣрить; тогда мечтали владѣть началами веществъ, лишь только произнося темныя, неопредѣленныя слова; но это время миновало, и, къ счастію, никогда не существовало для Россіи.

Переходимъ къ четвертому обвиненію математики: будто она старается только построевать вѣрныя умозаключенія на слѣпо принятыхъ основаніяхъ, что вѣроятность геометру не извѣстна и онъ впадаетъ обыкновенно въ мистицизмъ или въ матеріализмъ. Хотя Гемельтонъ самъ утверждаетъ (стр. 321), что начала математики очевидны; не смотря на то, довѣряетъ больше свидѣтельствамъ другихъ, нежели самому себѣ, и на нихъ основываетъ странныя положенія, будто математика принимаетъ свои данныя слѣпо, и что вѣроятность геометру неизвѣстна. По этой довѣрчивости ни съ кѣмъ лучше не льзя его сравнить, какъ съ географомъ Гофманомъ, который въ своемъ сочиненіи (Земля и ея обитатели Die Erde und ihre Bewohner von Vollrath Fr. Hoffmann 1834), вышедшемъ нѣсколькими изданіями, между прочими смѣшными нелѣпостями о Россіи, разсказываетъ, будто Русскіе мужики носятъ зимой отъ снѣга крашеныя очки, которыя можно вездѣ найти за бездѣлицу. Сколько мнѣ извѣстно, никто еще не убѣдилъ Гофмана, что онъ ошибается. Я замѣчу притомъ, что Гемельтонъ утверждаетъ также о логикѣ, что она не отвѣчаетъ за истину своихъ посылокъ (стр. 226), и сверхъ того повторяетъ часто, что философскія истины только вѣроятны. Что же должно изъ этого заключить? Что нѣтъ науки сужденія, которая бы могла намъ сообщить истину. Еслибъ

это было справедливо, и если обратимъ вниманіе на вопросы, которыхъ рѣшеніе философія принимаетъ на себя; то не математика, а сужденія Гемельтона могли бы насъ повергнуть въ слѣпое суевѣріе или въ безразсудное безвѣріе. По свидѣтельству пиррониста Беля, онъ вѣритъ, что математика ведетъ къ мистицизму, а послѣдуя мистику Поаре, думаетъ, что она ведетъ къ матеріализму. Притомъ должно замѣтить, что Гемельтонъ приводитъ больше свидѣтельствъ въ доказательство мистицизма, нежели матеріализма геометровъ. Но всѣ ли дѣйствительно были мистиками, кого онъ такъ называетъ? Весьма сомнительно. Не говоря о другихъ, замѣчу вразсужденіи Нютона, что онъ былъ глубоко проникнутъ религіознымъ чувствомъ, и когда при немъ произносили имя Божіе, онъ всегда преклонялъ голову; называть же его мистикомъ за истолкованіе Апокалипсиса въ послѣдніе годы его жизни, значитъ судить о Монтескье по его Персидскимъ письмамъ. Вотъ самое свидѣтельство, приведенное Гемельтономъ. „Извѣстно фактически, говоритъ Стуердъ (стр. 346), что математики, ограничившіе „занятія свои единственно математикою, наклонны къ тому роду ре„лигіознаго энтузіазма, въ которомъ воображеніе есть главный элементъ, „и проч. Не рѣдко можно видѣть, говоритъ Бель, большую набожность „въ людяхъ, занимавшихся математикою и оказавшихъ въ ней значи„тельные успѣхи...“ (стр. 355). Дѣйствительно, почти всѣ знаменитые геометры были религіозны; поэтому Гемельтонъ приводитъ только имена мистиковъ; а еслибъ онъ указалъ на одно или на нѣкоторыя имена иррелигіозныхъ, то надобно бы сперва убѣдиться, не читали-ль они какого либо философскаго сочиненія, или не бесѣдовали-ль съ философами: притомъ можно бы безъ сомнѣнія противъ одного геометра указать на двадцать философовъ, извѣстныхъ по своимъ заблужденіямъ относительно религіи; но даже изъ этого я еще не заключилъ бы, что философія ведетъ къ безвѣрію, и что она вредна, а это убѣдило бы меня только въ томъ, что заблужденія философовъ встрѣчаются чаще, нежели заблужденія геометровъ, и что они поэтому должны болѣе послѣднихъ опасаться обаяній безвѣрія. Вообще примѣры въ этомъ случаѣ ничего не доказываютъ. Можно указать на иррелигіозныхъ поэтовъ, юристовъ, медиковъ и проч.; но можно ли заключить

изъ этого, что поэзія, юриспруденція, медицина и проч. ведутъ къ безвѣрію? Какая наука надежнѣе и вѣрнѣе Слова Божія руководствуетъ насъ на пути истины? Не смотря на это, были люди, занимавшіеся исключительно Словомъ Божіимъ и неизбѣжавшіе заблужденій. Обстоятельства, духъ времени, воспитаніе, дурныя наклонности, мечтательность, гордость могутъ произвести вредныя вліянія, приписываемыя особенному роду занятій. Касательно математики и ея приложеній къ природѣ извѣстно, что заимствованныя изъ нихъ однимъ проповѣдникомъ доказательства о благости, премудрости и милосердіи Божіемъ привели слушателей въ такой восторгъ, что они забылись и рукоплескали ему въ храмѣ. Многія сочиненія содержатъ подтвержденія нѣкоторыхъ истинъ Священнаго Писанія, основанныя на познаніи природы. Математикъ знаетъ, что высокія истины Вѣры выше человѣческой мудрости, что душа, озаренная Божественнымъ свѣтомъ Вѣры, сама собою созерцаетъ ея истины, и убѣжденъ, что содержаніе Священнаго Писанія истинно, но иногда не понимаетъ, въ чемъ этѣ истины состоятъ, равно какъ можно видѣть свѣтъ солнца, и не знать сущности свѣта.

Но я уже слишкомъ долго останавливаюсь на опроверженіи мнѣнія, повидимому болѣе внушеннаго пристрастіемъ, нежели любовью къ истинѣ: перехожу къ разсмотрѣнію мнѣнія Гемельтона, будто въ занятіяхъ математикою умъ остается зрителемъ и лишенъ самодѣятельности. Въ этомъ Гемельтонъ основывается прежде всего на свидѣтельствѣ Аристотеля, потомъ подтверждаетъ свои сужденія слѣдующими доводами. Условіе математическаго генія состоитъ въ способности представлять себѣ и удерживать въ памяти количества и числа (стр. 316). Начала математики очевидны сами собою, и каждый переходъ, каждый шагъ въ ихъ развитіи имѣютъ туже очевидность; но дѣятельность ума въ созерцаніи очевиднаго предложенія есть легчайшая и ближайшая къ отсутствію всякой мысли: поэтому математическое доказательство не требуетъ большаго напряженія ума, и математика не можетъ служить къ развитію мыслящей способности.

Кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о математикѣ, тотъ знаетъ, что не только способность удерживать въ памяти количества и числа, но даже способность производить надъ ними умственно и быстро разныя сложныя дѣйствія, каковы: извлеченіе кубическихъ корней и тому подобныя, не составляетъ математическаго генія, и бываетъ соединена съ весьма посредственными дарованіями. Примѣры этому существуютъ вездѣ и весьма поразительный въ Россіи. Изъ сужденій Гемельтона очевидно, какое онъ понятіе имѣетъ о математическомъ геніи, когда говоритъ, что не только юноша, но даже отрокъ бываетъ легко математикомъ; по слабости умственнаго напряженія, какого математика требуетъ, она относилась лишь къ первымъ началамъ воспитанія у Грековъ и въ школѣ Песталоци. Онъ прибавляетъ, что дѣти, склонныя къ этому роду отвлеченій, имѣютъ всегда слабѣйшія способности къ другимъ предметамъ. Я не вѣрю, чтобы дѣти, обнаруживающія быстроту въ исчисленіяхъ, всегда были неспособны къ другимъ предметамъ; если же это иногда случается, то безъ сомнѣнія съ тѣми, которыя столько же неспособны къ математикѣ, сколько и къ другимъ наукамъ.

Вразсужденіи мнѣнія, что математическія доказательства требуютъ малѣйшей дѣятельности ума, замѣчу, что Гемельтонъ обнаруживаетъ совершенно ошибочное понятіе о духѣ и умственной дѣятельности въ математическихъ доказательствахъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всякомъ доказательствѣ не связываемъ ли мы двухъ сужденій посредствомъ другихъ, между собою независимыхъ или одного отъ другаго зависящихъ. переходя постепенно отъ одной мысли къ другой? Всякое доказательство для насъ не тогда ли только ясно, когда представляемъ себѣ весь его ходъ? Не нужно ли уму пробѣгать всѣ изслѣдованныя имъ мысли, пока онъ не придетъ въ состояніе отъ одного сужденія заключать о другомъ, и пока не можетъ, почти безъ помощи памяти, обнять всѣ однимъ созерцаніемъ? А чрезъ это умъ развѣ не приучается къ быстротѣ и не выигрываетъ въ объемѣ? Развѣ тотъ имѣетъ понятіе о цѣли и красотѣ картины, кто лишь постепенно видитъ ея части, не обозрѣвая ихъ вдругъ? Систематическое ученіе математики заставляетъ насъ сперва обнимать мыслью вдругъ весь-

ма мало предметовъ и притомъ предметы самые простые, чтобы приучить насъ къ убѣжденію только такимъ знаніемъ, которое переходитъ въ яснѣйшее созерцаніе. Этотъ даръ принадлежитъ однимъ больше, другимъ меньше. Для знатока и художника цѣль и красоты картины ощутительны почти съ перваго взгляда; другимъ нужно сперва объяснить подробно каждую часть и взаимныя ихъ отношенія, чтобы заставить ихъ чувствовать ея достоинства; но искусство и упражненіе могутъ значительно усилить природныя дарованія, лишь бы мы переходили постепенно отъ легчайшихъ предметовъ къ труднѣйшимъ. Когда рядъ истинъ, выведенныхъ одна изъ другой, столь длиненъ и вмѣстѣ столь многосложенъ, что нельзя ихъ обозрѣть вдругъ; тогда убѣжденіе зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ памяти: она хранитъ всѣ частныя сужденія, и изъ нихъ выводитъ сужденіе искомое. Но память въ этомъ случаѣ поддерживается дѣятельностію мыслящей способности, безъ которой трудно вытвердить рядъ отвлеченныхъ сужденій и переходить отъ одного къ другому; а еслибъ это и было возможно, то малѣйшее нарушеніе порядка или легчайшее требованіе объясненія обнаружило бы память безъ сужденія. Если же въ ученіи математики напоминаютъ учащимся истины, на которыхъ доказательство должно основываться; если, смотря по способностямъ учащихся, облегчаютъ имъ болѣе или менѣе переходъ отъ извѣстныхъ истинъ къ даннымъ, или если, по объясненіи смысла предложенія, заставляютъ опредѣлять въ точности части, изъ которыхъ оно состоитъ, сравнивать опредѣленіе съ опредѣляемымъ, и ведутъ чрезъ это къ истинамъ, отъ которыхъ доказательство зависитъ: то умъ не только выигрываетъ въ объемѣ, но изощряется, приучается связывать два понятія или два предложенія посредствомъ другихъ; а эта связь мыслей, смотря по предложенію, требуетъ дѣятельности какъ посредственнаго ума, такъ и генія.

Нужно ли въ настоящемъ случаѣ еще напоминать, что ученіе математики состоитъ не изъ однѣхъ теоремъ? Начиная съ ариѳметики, учащійся развѣ не разрѣшаетъ разныхъ вопросовъ, касающихся пройденной имъ части? Рѣшеніе этихъ вопросовъ встрѣчаетъ двоякаго рода за-

трудненія: какимъ путемъ и какъ ихъ рѣшать? Кто не знаетъ, какой смѣтливости и прозорливости требуетъ разрѣшеніе математическихъ вопросовъ, и что постепенное занятіе въ открытіи уже извѣстныхъ истинъ приучаетъ къ открытію неизвѣстныхъ? Кто не знаетъ, сколько этому способствуетъ запасъ требуемыхъ предшествующихъ математическихъ свѣдѣній, вѣрный взглядъ на предметъ и точное направленіе въ изученіи математики? Послѣ этого кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что математическія науки доставляютъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ для развитія точности сужденія, глубокомыслія и изобрѣтательности ума?

Но распространяются ли умственныя силы, приобрѣтаемыя въ области математическихъ наукъ, и внѣ ихъ сферы? Гемельтонъ утверждаетъ противное: по его мнѣнію, занятіе математическими науками дѣлаетъ умъ неспособнымъ къ философіи, къ другимъ наукамъ и вопросамъ житейскимъ. Вредное вліяніе ихъ на умственныя способности доказываетъ онъ свидѣтельствомъ знаменитаго геометра Декарта (стр. 308). Но воображеніе Гемельтона нашло то въ сочиненіи Декарта, имъ приводимомъ (Descartes Règles pour la direction de l'esprit Règle 4me), чего другіе въ немъ вѣрно не найдутъ: напротивъ, во всемъ этомъ сочиненіи повторяются непрерывныя похвалы математикѣ. Говоря, съ чего должно начинать изслѣдованіе истины, онъ ставитъ въ первомъ ряду геометрію и ариѳметику (Descartes oeuvres 1826 Tom II pag. 27), и прибавляетъ, что не должно удивляться, если многіе умы занимаются преимущественно философіею. „Дѣйствительно, всякій даетъ себѣ смѣлѣе право открывать болѣе въ темномъ, нежели въ ясномъ предметѣ, и гораздо легче „имѣть о какомъ нибудь вопросѣ нѣкоторыя неопредѣленныя идеи, нежели „дойти до простѣйшей истины. . .“ Далѣе, по сравненіи своего Анализа съ методомъ древнихъ, онъ охуждаетъ ограниченныя понятія, какія имѣли въ его время о математикѣ; потому что подъ этимъ словомъ разумѣли геометрію и ариѳметику (Règle 4me pag. 218). „Хотя часто говорю о числахъ и чер„тежахъ, продолжаетъ онъ, потому что нѣтъ науки, отъ которой можно „бы было заимствовать яснѣйшіе и точнѣйшіе примѣры; однакожь тотъ, „кто внимательно слѣдуетъ за моими мыслями, увидитъ, что я не разумѣю

„одну только геометрію и ариѳметику, но излагаю особый методъ, въ ко-„торомъ математика служитъ болѣе оболочкою, а не составляетъ самаго тѣла. „Дѣйствительно, этотъ методъ долженъ содержать начала человѣческаго раз-„ума, и способствовать къ извлеченію изъ каждаго предмета истины, въ немъ „заключающейся. Я убѣжденъ, что этотъ способъ познанія выше всякаго „другаго способа; потому что онъ начало и источникъ всѣхъ истинъ.“ Діалектики, по его мнѣнію, остаются всегда запутанными въ своихъ правилахъ, и ихъ софизмы кажутся важными однимъ только софистамъ.

Гемельтонъ думаетъ, что математика, по самой формѣ своихъ сужденій, потому именно, что она все доказываетъ и не допускаетъ софизмовъ, не можетъ насъ отъ нихъ предостерегать (стр. 318). Но знающимъ исторію математики извѣстно, что нѣтъ ни одной части этой науки, въ которой бы не было дѣлано софизмовъ, даже и знаменитѣйшими геометрами, не исключая Нютона; что большая часть этихъ софизмовъ исправлены и могутъ служить поучительными примѣрами для ихъ избѣжанія. Если бы нужно было убѣждать примѣрами въ томъ, что математика не только не вредна, но даже необходима философу, и что безъ нея нельзя понимать важныхъ философскихъ сочиненій; то я могъ бы указать между прочими на логику Гегеля, требующую даже понятія о дифференціальномъ исчисленіи; но здравый смыслъ Англичанъ избавляетъ меня отъ излишняго труда именовать всѣхъ знаменитыхъ математиковъ-философовъ: они называютъ философомъ каждаго, занимающагося приложеніемъ математики къ природѣ.

Наконецъ, касательно мнѣнія Гемельтона, будто геометръ не способенъ къ рѣшенію вопросовъ, встрѣчающихся въ жизни, основываясь на мысляхъ Паскаля, что геометръ разсуждаетъ тогда только вѣрно, когда ему даны начала; то, не опровергая геніальнаго Паскаля, думаю напротивъ, что Гемельтонъ самъ меньше насъ дорожитъ въ настоящемъ случаѣ мнѣніемъ Паскаля. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ приведеннаго сочиненія Паскалева (Oeuvres de Pascal à la Haye 1779 tome 2, Pensées): „Не думаю, говоритъ онъ (page 51), „сравнивать логиковъ съ геометрами, научающими истинному методу напра-

„влять умъ; напротивъ, я бы ихъ уволилъ навсегда отъ этого, и проч...
„Всякій ищетъ метода, который бы предостерегалъ отъ ошибокъ; логики
„думаютъ вести къ такому методу, но одни геометры его достигаютъ . . .
далѣе (page 151, Pensée XXXVI art. x.): „смѣяться надъ философіею, значитъ
„истинно философствовать" Я не совсѣмъ согласенъ съ мнѣніемъ Паскаля, и почитаю философію важнымъ и полезнымъ занятіемъ ума; но думаю, что только весьма малая часть философіи достигла до сихъ поръ зрѣлости науки, и обширныя сочиненія о ней, кажется, начинаются потому съ логики, чтобы методически заблуждаться. Такъ, относительно главнѣйшихъ ученій философіи Германской, замѣтилъ недавно весьма справедливо одинъ изъ достопочтеннѣйшихъ нашихъ Профессоровъ, что нельзя ихъ безусловно принимать въ Россіи. Пусть отличные Русскіе мыслители излагаютъ ученіе философіи сообразно истинамъ, истекающимъ изъ православной Вѣры и законовъ; не обращать вниманія на народность въ такомъ важномъ предметѣ, было бы безъ сомнѣнія вредно. Въ Германіи недостатокъ въ кругѣ дѣйствія общественнаго даетъ больше свободы философскимъ размышленіямъ; по мнѣнію Сталь, „кто въ Германіи не занимается вселенною, „тому мало остается дѣла" (De l' Allemagne tome I. Paris 1814. Chapitre XVIII. page 154). Но въ Россіи обширное открывается поприще дѣятельности всякому, кто хочетъ трудиться для пользы Отечества, и православная Вѣра освобождаетъ насъ отъ труда, употреблять цѣлую жизнь на открытіе новыхъ доказательствъ воли человѣка, безсмертія души и другихъ. Мечты нѣкоторыхъ философовъ, относительно приложенія ихъ системъ къ жизни, заставили мудраго Фридриха II сказать, что если бы онъ захотѣлъ наказать какую нибудь провинцію, то отдалъ бы ее въ управленіе философу. Не утверждаю, что геометръ всегда способнѣе къ приложеніямъ въ жизни, нежели философъ; думаю, что никто не можетъ разсуждать вѣрно въ вопросахъ, касающихся общества, безъ глубокаго знанія людей, обстоятельствъ и долговременнаго опыта, соединеннаго съ размышленіемъ. Тщетно даютъ намъ наставленія, какъ дѣйствовать во всякомъ непредвидѣнномъ случаѣ: каждое новое обстоятельство требуетъ новыхъ правилъ, въ особенности быстраго

взгляда и какъ бы инстинкта для вѣрнаго рѣшенія, что не пріобрѣтается безъ дѣятельности общественной, въ уединеніи, однимъ чтеніемъ книгъ о нравахъ и характерахъ людей, хотя бы на то была употреблена вся жизнь. Но если при рѣшеніи какого-либо вопроса важно разсматриваніе его съ различныхъ сторонъ, обнятіе однимъ взглядомъ различныхъ понятій къ нему относящихся; если только привыкшіе созерцать истину во всей ея ясности могутъ отличать, что болѣе или менѣе къ ней приближается: то, безъ сомнѣнія, математическія науки вообще, и въ особенности теорія вѣроятностей, имѣютъ благотворное вліяніе на сужденія о вопросахъ житейскихъ. Впрочемъ исключительная постоянная привычка созерцать истину во всей ея чистотѣ, касательно одного рода предметовъ, можетъ притупить чувства къ тому, что внѣ этой сферы. Обыкновенные глаза, постоянно поражаемые яркимъ свѣтомъ, не отличаютъ оттѣнковъ слабаго свѣта, и полагаютъ совершенную темноту тамъ, гдѣ другіе еще замѣчаютъ нѣкоторую ясность. Нужно не только видѣть истину ясно вблизи, но усматривать ее издали по слабымъ признакамъ; поэтому пріучая умъ къ строгимъ доказательствамъ и рѣшеніямъ математики, мы должны сохранить его гибкость другими занятіями, дабы онъ могъ безъ затрудненія переходить различныя степени свѣта.

Показавъ неосновательность возраженій противъ благотворнаго вліянія математическихъ наукъ на развитіе умственныхъ способностей, обозримъ теперь ихъ полезныя дѣйствія на духовный организмъ, и постараемся отвѣтствовать на вопросъ: какія силы приводятся преимущественно въ дѣйствіе математическими науками? Мы надѣемся доказать, что надлежащія занятія математическими науками развиваютъ способность вѣрнаго и связнаго сужденія, сосредоточиваютъ вниманіе, увеличиваютъ объемъ ума, пріучаютъ его къ глубокомыслію и изобрѣтенію. Кромѣ этого непосредственнаго дѣйствія, онѣ ведутъ также къ точности, ясности и краткости выраженія, и глубокомысленный взглядъ на природу, посредствомъ ихъ пріобрѣтаемый, возвышаетъ воображеніе.

Въ самомъ дѣлѣ часто можно слышать не только мнѣнія, не подтверждаемыя связнымъ сужденіемъ, но и нелѣпыя доказательства, приводимыя въ подтвержденіе истинныхъ мыслей. Безъ сомнѣнія, нельзя не чувствовать вредныхъ слѣдствій отъ неосновательныхъ умозаключеній, и отъ разногласія между внутреннимъ убѣжденіемъ и сужденіями; нельзя не желать, чтобы воспитаніе способствовало по возможности къ исправленію этого недостатка. Но какія-жь занятія болѣе другихъ этому содѣйствуютъ? Мнѣ укажутъ на логику. Не отрицаю пользы этой науки: она, дѣйствительно, знакомитъ насъ съ правилами, при соблюденіи которыхъ умозаключеніе справедливо; равно если умствованіе содержитъ какую нибудь ложь, то логика снабжаетъ насъ средствами къ ея открытію; но эта наука полезнѣе въ риторикѣ, для обнаруженія софизмовъ, скрываемыхъ подъ метафорами и гармоническими выраженіями, которыя часто увлекаютъ умъ; она полезнѣе тамъ, гдѣ нужно поразить и запутать противника въ диспутѣ, нежели въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ искренно желаемъ доказать или открыть истину. Для составленія изъ какихъ нибудь идей силлогизма, надобно сперва видѣть ихъ естественную связь, и тогда силлогизмъ не много прибавляетъ ясности. Эта естественная связь двухъ идей, гдѣ онѣ представляются уму, такъ сказать, совокупно, сильнѣе, нежели искусственная, произведенная логическими формами, какъ извѣстно всѣмъ, имѣющимъ понятіе о математикѣ, и вообще всякому, кто размышляетъ здравымъ своимъ разсудкомъ, а не силлогизмами; а если какой нибудь діалектикъ не можетъ видѣть ясно безъ силлогизмовъ, то пусть употребляетъ эти очки: только да не мыслитъ, что другіе безъ нихъ ясно не видятъ.

Но если и допустимъ, что логика можетъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ быть полезною для расположенія идей, то должны также сознаться, что она совершенно безполезна для изобрѣтенія посредствующихъ идей, для открытія новыхъ истинъ, или для доказательства извѣстныхъ истинъ. Вообще размышленіе, какъ практическое дѣйствіе ума, пріобрѣтается вѣрнѣе и основательнѣе практическимъ способомъ, нежели изученіемъ правилъ, какъ всякое искусство. Главная цѣль ученія пріучить умъ къ тому, чтобы

рядъ умозаключеній былъ основанъ на вѣрныхъ началахъ, и выведенъ строго безъ всякаго напряженія, точно такъ, какъ въ музыкѣ стараются, чтобы музыкальная піэса была сыграна твердо и съ чувствомъ. Мы не столько хотимъ выразить опредѣленіе хорошаго умозаключенія, сколько заставить почувствовать его силу; не столько нужно распредѣлять софизмы, сколько ихъ открывать. Въ музыкѣ больше стараются приобрѣсть твердость и ловкость, нежели ихъ описывать, и стремятся больше избѣгать нарушенія гармоніи, нежели думать, въ какихъ обстоятельствахъ звукъ можетъ быть неприятнымъ для слуха. Употреблять логику, какъ практическій способъ развитія вѣрнаго сужденія, значитъ учить музыкѣ по книгамъ, и хотя такое ученіе можетъ имѣть свою пользу, однако же всякій согласится, что этимъ способомъ никогда не образуется виртуозъ.

Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ, что лучшее средство развить практически правильное умствованіе доставляютъ историко-филологическія науки. Согласенъ, что онѣ обогащаютъ память изобиліемъ происшествій, картинъ, понятій и идей, доставляютъ пищу воображенію, образуютъ и очищаютъ вкусъ, сообщаютъ уму остроту и гибкость, а поэтико-философическое созерцаніе міра производитъ благотворное моральное вліяніе на размышленіе и волю. Но главныя условія развитія силы судительной, увеличенія объема ума и способности открывать истину посредствомъ выводовъ, т. е. точныя основныя понятія и непреложныя начала, необходимая связь между понятіями и сужденіями, основанная на сознаніи яснѣйшаго созерцанія, разсмотрѣніе нѣсколькихъ понятій или сужденій въ соединеніи, и приобрѣтеніе убѣжденія полнаго чрезъ совокупность убѣжденій частныхъ, наконецъ открытіе связи между понятіями нашими относительно явленій и дѣятельности окружающей насъ природы, имѣющихъ столь сильное вліяніе на бытіе наше и на наши сужденія, всѣ эти условія удовлетворяются не вполнѣ и слабо историко-филологическими науками, а нѣкоторыя вовсе въ нихъ не входятъ, между тѣмъ какъ всѣмъ этимъ требованіямъ удовлетворяютъ науки математическія.

Что касается до пользы ихъ въ отношеніи къ филологіи, послушаемъ одного изъ славныхъ критиковъ, Рункена. Онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи: Elogium Hemsterhusii: „Геометрія ведетъ умъ отъ знанія, посредствомъ чувствъ пріобрѣтаемаго, къ познанію умственному, и изощряетъ разсудокъ. Кто усомнится въ томъ, что умъ, образованный этой наукою, яснѣе видитъ и наши предметы, яснѣе о нихъ разсуждаетъ, нежели тѣ, которые никогда не занимались математикой? Сколько пользы геометрія принесла Гемстергузію, извѣстно всѣмъ, знакомымъ съ его сочиненіями и рѣчами. Во всемъ, что онъ говорилъ и писалъ, даже по части критики, можно легко замѣтить умъ, привыкшій къ геометрической точности. Онъ ничего не утверждалъ безъ основанія; но отъ извѣстныхъ и очевидныхъ мыслей въ связи и порядкѣ переходилъ къ необходимымъ изъ нихъ слѣдствіямъ. Есть и другая часть математики, которой не знать было бы не прилично критику; я говорю объ астрономіи, въ особенности древней, безъ которой нельзя понимать вполнѣ и совершенно ни Греческихъ, ни Латинскихъ поэтовъ, почерпавшихъ изъ нея многія украшенія. Прилѣжно изучавшій ее этотъ отличный ученый, всегда скромный и умѣренный въ сужденіяхъ, не могъ иногда воздержаться отъ легкой улыбки, когда видѣлъ, какъ новѣйшіе истолкователи поэтовъ, при объясненіи астрономическихъ предметовъ, недоумѣвали или даже впадали въ смѣшныя погрѣшности.“

Дѣйствительно, не только геометрія, но математическія науки вообще способствуютъ къ развитію вѣрнаго мышленія безъ помощи правилъ, при которыхъ умозаключеніе вѣрно. Всѣ обыкновенныя формы сужденія въ нихъ встрѣчаются: онѣ заставляютъ насъ чувствовать ихъ истину, и ложное сужденіе становится противнымъ по навыку. Приученный къ сужденіямъ математики знаетъ, что ея истины зависятъ отъ непреложности началъ, и сколько отъ нихъ ни отдаляешься, бываешь въ состояніи обозрѣть какую нибудь часть своего пути, и убѣдиться съ одной стороны въ необходимости истинныхъ началъ, а съ другой — въ точности выведенныхъ изъ нихъ слѣдствій. Однѣ математическія науки знакомятъ насъ съ истинами необходимыми; онѣ основываются на понятіяхъ, столь строго опредѣленныхъ, что

слова и знаки, употребляемые въ сужденіяхъ этѣхъ наукъ, суть вѣрные представители предметовъ, ими означаемыхъ, и болѣе всякой другой науки избѣгаютъ введенія посторонних понятій или исключенія какой нибудь части предмета, необходимой для подлежащаго сужденія; напр. слова квадратъ, кругъ передаютъ душѣ понятія столь полныя и опредѣленныя, что, употребляя ихъ въ умствованіи, мы совершенно увѣрены, что знаемъ и вполнѣ созерцаемъ наше сужденіе; напротивъ, слова: правосудіе, красота и другія означаютъ понятія весьма сложныя или неопредѣленныя, такъ что основанныя на нихъ сужденія могутъ быть справедливы въ одномъ смыслѣ, и ложны въ другомъ. Большая часть споровъ и заблужденій имѣютъ свое начало въ неполныхъ или различныхъ значеніяхъ словъ; математика, напротивъ, несравненно свободнѣе отъ источниковъ такихъ споровъ, нежели какая нибудь другая наука, и приучая насъ къ строгому употребленію языка, какъ орудіе ума, снабжаетъ вмѣстѣ способами открывать истину. Въ ней умъ стремится впередъ по твердой почвѣ и получаетъ то вѣрное направленіе, какое онъ едва пріобрѣтаетъ, если мы безпрестанно принуждены стѣснять наши шаги между препятствіями, или основывать свои сужденія на зыблющихся волнахъ спорныхъ мнѣній; только посредствомъ математики понимаемъ вполнѣ, что значитъ доказывать; чрезъ нее чувствуемъ глубоко свойство и силу очевидности, на которой основано наше знаніе о системѣ міра и законахъ явленій природы. Но если математическія науки вообще служатъ къ развитію и изощренію мыслительной способности, то не всѣ ея части способствуютъ къ этому въ одинакой степени, и очевидно, что, съ одной стороны, чѣмъ больше число членовъ, составляющихъ цѣпь умозаключеній, тѣмъ труднѣе ихъ обозрѣть; поэтому—способности тѣмъ больше развиваются, чѣмъ больше отдаляемся отъ первыхъ началъ въ области этой науки; а съ другой стороны—развитіе тѣмъ больше, чѣмъ больше число началъ, на которыхъ наши сужденія основываются. Такъ напр. встрѣчаемъ больше затрудненій въ астрономіи и физикѣ, нежели въ механикѣ, въ послѣдней больше, нежели въ геометріи, а въ сей наукѣ болѣе, нежели въ чистомъ анализѣ.

Обозримъ вкратцѣ свойства этихъ отраслей математики, относительно ихъ дѣйствія на мыслительную способность. Для развитія вѣрнаго сужденія юныхъ умовъ, незнакомыхъ съ необходимыми истинами, нѣтъ науки, по мнѣнію всѣхъ великихъ геометровъ, которая бы могла столько содѣйствовать, сколько синтетическая геометрія. Эта наука, основываясь на непреложныхъ началахъ, представляетъ уму ясныя изображенія понятій; во все продолженіе дѣятельности ума, глазъ поддерживаетъ сужденіе такъ, что простой взглядъ на чертежъ часто поправляетъ ошибочное понятіе, или объясняетъ темное. Притомъ вниманіе устремлено къ строжайшему ряду умозаключеній, ведущихъ къ чистой истинѣ. Впрочемъ не только къ точности въ сужденіяхъ приучаетъ геометрія, но также изощряетъ умъ; для достиженія этой цѣли, не достаточно, чтобы учащійся вытвердилъ доказательства теоремъ и рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, а должно сосредоточить его вниманіе на томъ, что составляетъ силу доказательства, и привести къ его открытію или къ рѣшенію вопросовъ гевристическимъ способомъ. Помощію приложенія всякой теоремы къ вопросу умъ привыкаетъ разсматривать предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, и выбирать удобнѣйшую, для достиженія извѣстной цѣли. Однакожь должно сознаться, что обыкновенный способъ ученія къ этому не ведетъ. По большей части даютъ для рѣшенія вопроса сперва построеніе, потомъ доказываютъ, что оно вѣрно; но въ этомъ случаѣ не видно пути, по которому умъ могъ изобрѣсти рѣшеніе, слѣдовательно учащійся не можетъ имъ пользоваться для другихъ вопросовъ. Можетъ быть, рѣшивъ многія задачи, умъ напослѣдокъ откроетъ аналогію между построеніемъ одного изъ извѣстныхъ ему вопросовъ и предложеннымъ; но чрезъ это умъ не много изощряется, потому что дѣйствуетъ безъ метода, наудачу, и память обременяется множествомъ несвязныхъ между собою построеній. Чтобы слѣдовать способу открытія въ анализѣ, должно предварительно полагать, что неизвѣстная величина извѣстна, дѣлать приблизительное построеніе, разлагать вопросъ на составныя его части, и помощію внимательнаго разсматриванія условій вопроса открывать, если нужно, вспомога-

тельныя построенія или отношенія между искомою и данными величинами, основываясь на предшествующихъ извѣстныхъ истинахъ.

Слабѣе геометріи кажется вліяніе алгебраическаго анализа на развитіе вѣрнаго сужденія. Дѣйствія, посредствомъ которыхъ результаты получаются, бываютъ иногда такого рода, что оставляютъ слабые слѣды въ умѣ учащагося о сужденіяхъ, управлявшихъ нашими изысканіями, и механическая ловкость въ соединеніи символическихъ формъ пріобрѣтается безъ особеннаго умственнаго напряженія, съ малымъ улучшеніемъ силъ мышленія. По слабой дѣятельности, какой эти дѣйствія требуютъ, можно ихъ сравнить съ машиною, которая работаетъ вмѣсто ума. Если присовокупимъ, что не рѣдко учащійся получаетъ темныя понятія о началахъ анализа, о предметѣ этой науки, о мнимыхъ величинахъ, что онъ долженъ принимать, по аналогіи, нѣкоторыя доказанныя предложенія для цѣлыхъ чиселъ, какъ истины для чиселъ дробныхъ, несоизмѣримыхъ и мнимыхъ, и наконецъ иногда даже остается при однѣхъ отвлеченныхъ формулахъ безъ приложенія къ вопросамъ, которые могли бы объяснить то, что для него темно: при такихъ условіяхъ, признаемся, мыслительная способность не только не улучшается, но даже можетъ притупиться; потому что приучается удовлетворяться темными понятіями, разсматривать предметъ съ невыгодной стороны, и терять изъ вида сущность своихъ сужденій. Отъ этого, вѣроятно, въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ отъ ариѳметики прямо переходятъ къ алгебрѣ, и мало занимаются полезными приложеніями, замѣчаемъ, что въ переходномъ классѣ ученики успѣваютъ меньше, нежели во всѣхъ прочихъ, и что тѣ, на которыхъ намъ указываютъ, какъ на отличныхъ, за быстрый механизмъ, столь же неспособны къ математикѣ, какъ и къ другимъ наукамъ. Однакожъ это слабое, даже иногда вредное дѣйствіе алгебры на развитіе умственныхъ способностей, происходитъ не отъ самаго предмета, а отъ способа ученія: поверхность не рѣдко кажется безплодною, между тѣмъ какъ въ глубинѣ открываются богатыя сокровища. Дѣйствительно, при точномъ и ясномъ опредѣленіи основныхъ началъ и предмета алгебры, при строгомъ изложеніи

ея теоремъ и ихъ приложеній къ вопросамъ, полезнымъ въ жизни, или объясняющимъ какой нибудь законъ явленій природы, если учащійся приученъ къ составленію уравненій изъ данныхъ условій вопроса, и умѣетъ разбирать отвѣты анализа; то алгебра, хотя не поддерживаетъ вниманія столь непрерывно, какъ геометрія, и не имѣетъ ея созерцательности, но не менѣе послѣдней убѣждаетъ въ необходимости своихъ истинъ, способствуетъ къ изощренію ума, даетъ настоящее понятіе о пути открытія, и снабжаетъ, какъ анализъ вообще, могущественными орудіями для преодолѣнія препятствій, о чемъ безъ ея пособія нельзя и думать. Полезныя дѣйствія анализа и геометріи на духовный организмъ соединены въ аналитической геометріи, лишь бы анализъ былъ постоянно сопровождаемъ построеніемъ и приложеніями къ разнымъ вопросамъ.

Въ трансцендентномъ анализѣ и его приложеніяхъ къ геометріи развиваются высшія силы мышленія, не только потому, что эти предметы требуютъ уже яснаго разумѣнія алгебраическаго анализа и его приложенія къ геометріи, но по своей метафизикѣ и по остроумнымъ пріемамъ. Однакожъ въ изученіи высшаго анализа необходимо обращать особенное вниманіе на основанія дифференціальнаго исчисленія, которыя оставляютъ по большей части въ умѣ учащихся темныя понятія. Интегральное исчисленіе, еще весьма несовершенное и ожидающее большихъ преобразованій, въ послѣднія времена получило направленіе гораздо опредѣленнѣйшее противъ прежняго; покрайней мѣрѣ путь открытій начерченъ геніяльными геометрами — Абелемъ, Якоби, нашимъ знаменитымъ Академикомъ Остроградскимъ и другими (*). Впрочемъ есть мечты, изложенныя остроумно,

---

(*) Немногія изъ открытій безсмертнаго Эйлера и другихъ ученыхъ Академиковъ перешли въ національную собственность, въ Русскую литтературу, между тѣмъ какъ просвѣщенная Европа знаетъ исторію Карамзина и рядъ знаменитыхъ поэтовъ, между современными геніяльнаго Жуковскаго, Крылова и проч.; относительно же математики Русская Литтература вовсе не имѣетъ оригинальнаго сочиненія, подобно сочиненіямъ Лагранжа, Лапласа, Фурье, Френеля, и другихъ, которое служило бы памятникомъ какого нибудь важнаго открытія. Но судя по дѣятельности Русскихъ Университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, можемъ впредь надѣяться, что и наша очередь придетъ, что полу-

есть игры, которыя требуютъ большаго напряженія ума; но геометръ не трудится просто для удовлетворенія своего любопытства, богатый запасъ формъ геометріи, символовъ анализа и его сложныхъ дѣйствій не простая роскошная уродливость умственной изобрѣтательности, не собраніе рѣдкостей для любителей; напротивъ, это могущественный арсеналъ, изъ котораго изслѣдованіе природы и техника берутъ лучшія свои орудія. Дѣйствительно, без-

бопытствуютъ читать не только Русскихъ поэтовъ, но также геометровъ. Дѣйствительно, эта дѣятельность уже обнаружилась во многихъ полезныхъ произведеніяхъ. Харьковскаго Университета: достойный Профессоръ Осиповскій, наставникъ Остроградскаго, оставилъ намъ нѣкоторыя хорошія учебныя книги, и въ рукописи переводъ Небесной Механики Лапласа. Казанскаго Университета два достойные Профессора, Лобачевскій и Симоновъ, извѣстны по разнымъ сочиненіямъ (послѣдній недавно издалъ весьма любопытное разсужденіе о Земномъ Магнетизмѣ, на Французскомъ языкѣ). При Петербургскомъ Университетѣ также изданы хорошіе переводы и оригинальныя сочиненія, въ особенности по Физикѣ. И Московскій Университетъ не отсталъ отъ другихъ. Первый ученый курсъ астрономіи, высшій курса Гамалѣя, и, кажется, первый курсъ физики, изложенный помощію математики, имѣемъ отъ достопочтеннаго нашего Профессора Перевощикова, котораго неутомимая дѣятельность и ученость извѣстны въ Россіи по многимъ другимъ его учебнымъ книгамъ. Профессоръ Зерновъ первый издалъ разсужденіе объ интегрированіи уравненій съ частными дифференціалами, Сомовъ—теорію опредѣленныхъ алгебраическихъ уравненій, Пановъ—теорію зажигательныхъ линей и поверхностей. Сверхъ того изданы при Московскомъ Университетѣ Ученыя Записки, и нѣкоторые курсы по чистой и прикладной математикѣ. Вѣроятно и юные ученые Профессоры другихъ Русскихъ Университетовъ принесутъ свою дань Отечеству по математической литературѣ.

Кромѣ Университетовъ, и прочія учебныя заведенія заслуживаютъ вниманіе по своей дѣятельности въ математической литературѣ, въ особенности Морской Корпусъ, подъ начальствомъ знаменитаго Крузенштерна, Корпусъ Путей Сообщенія, и другія. Я не имѣю въ виду излагать здѣсь исторію математики въ Россіи, поэтому принужденъ пропустить многія достойныя сочиненія и отличныя разсужденія, напечатанныя въ Русскихъ запискахъ Академіи Наукъ; упомяну только еще о словарѣ Академика Буняковскаго. Множество содержащихся въ немъ оригинальныхъ статей, ясность изложенія, обиліе историческихъ свѣдѣній, обогащеніе языка многими новыми понятіями, для которыхъ у насъ не существовало терминовъ, и трудъ, какого подобное сочиненіе

численное множество изъ этихъ искуственныхъ соединеній геометрическихъ формъ и символовъ анализа нашло уже свои приложенія въ природѣ и въ жизни. Геометръ своимъ теоретическимъ изслѣдованіемъ трудится всегда для какого нибудь важнаго опыта въ будущности. Что на пр. казалось безполезнѣе размышленія древнихъ геометровъ о свойствахъ коническихъ сѣченій, или, такъ называемыхъ прежде, мечтаній Кеплера о числовыхъ гармоніяхъ

требуетъ, все это заслуживаетъ уваженіе и признательность. Усердно желаемъ, чтобы достойный Авторъ продолжилъ это полезное и необходимое для Русской литературы сочиненіе. Я не говорилъ о первомъ нашемъ Геометрѣ, у котораго мы всѣ учились или могли бы учиться, если бы хотѣли; всѣ его сочиненія носятъ отпечатокъ остроумія и оригинальности, всѣ они прибавляютъ много новаго къ наукѣ, и поэтому нѣтъ сомнѣнія, что, если бы онъ писалъ на Русскомъ языкѣ, математическая наша литература занимала бы уже почетное мѣсто между другими въ Европѣ; но всѣ его разсужденія напечатаны для ученаго міра на французскомъ языкѣ. Желательно, чтобы нашъ знаменитый Геометръ оставилъ намъ памятникъ Русскій, достойный его рѣдкихъ дарованій. Въ ожиданіи этого, я обращаю вниманіе Русскихъ читателей на нѣкоторыя, по моему мнѣнію, лучшія его разсужденія.

1 е. Доказательство о сходимости рядовъ, разложенныхъ по синусамъ и косинусамъ кратныхъ дугъ, весьма важныхъ въ теоріи теплотвора и въ теоріи вибрацій тѣлъ.

2 е. Теорія измѣненія произвольныхъ постоянныхъ, которую онъ привелъ до величайшей простоты. Эта теорія преимущественно замѣчательна тѣмъ, что прямо даетъ измѣненія самыхъ важныхъ произвольныхъ постоянныхъ, встрѣчающихся въ механикѣ, т. е. произвольныхъ постоянныхъ уравненій, выражающихъ законъ живой силы движенія центра тяжести и сохраненіе площадей.

3 е. Сочиненіе о небесной механикѣ, составленное изъ лекцій Акад. Остроградскаго Янушевскимъ, гдѣ теорія вѣковыхъ измѣненій значительно упрощена чрезъ введеніе интегральнаго исчисленія съ конечными дифференціалами въ эту часть физической астрономіи.

4 е. Разсужденіе о варіаціонномъ исчисленіи кратныхъ интеграловъ, весьма замѣчательное по разрѣшенію затрудненія, ускользавшаго отъ всѣхъ геометровъ, занимавшихся варіаціоннымъ исчисленіемъ, не исключая даже Эйлера.

5 е. Два разсужденія объ умозрительной механикѣ, рѣшающія, какъ подвергать анализу большое количество вопросовъ, которыхъ рѣшеніе не заключается въ обыкно-

міра? Но эти размышленія стали ступеньками, по которымъ взошли къ познанію эллиптическихъ движеній планетъ и къ закону тяготѣнія, со всѣми его блистательными теоретическими слѣдствіями и неоцѣненными практическими результатами. Мы находимъ, между многими другими примѣрами подобнаго рода, одинъ въ предложенномъ вопросѣ Яковомъ Бернулли въ 1690 году современнымъ ученымъ: опредѣлить видъ кривой, образуемой свободно висячею веревкою, укрѣпленною на двухъ ея концахъ. Что кажется съ перваго взгляда безполезнѣе этого вопроса? Однакожъ его рѣшенію мы обязаны лучшимъ устройствомъ парусовъ, отмѣнною теоріею цѣпныхъ мостовъ и понятіемъ о естественномъ сводѣ. Притомъ теорія гибкой линіи дала поводъ къ рѣшенію вопроса объ упругой линіи, отсюда перешли къ упругой поверхности, и сдѣлали множество приложеній этой теоріи къ звуку и свѣту. Здѣсь не мѣсто распространяться о пользѣ чистаго анализа и геометріи; скажу только, что они служатъ единственнымъ основаніемъ, на которомъ можно строить твердое величественное зданіе истинной философіи природы. Всѣ предпріятія замѣнить математическія свѣдѣнія популярными сочиненія-

---

венныхъ способахъ. Первое разсужденіе подъ заглавіемъ: Des momens des forces, а второе Sur les mouvemens instantanés des corps. Это сочиненіе, безъ сомнѣнія, лучшее его произведеніе; оно заключаетъ въ себѣ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ механики; но это было бы еще не великое достоинство, потому что уже больше полувѣка тому назадъ Лагранжъ заключилъ всю тогдашнюю механику въ двухъ страницахъ, соединивъ правило моментовъ съ правиломъ потерянныхъ силъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Правила Даламберта*; но разсужденіе Акад. Остроградскаго содержитъ изслѣдованія болѣе общія. Онъ даетъ способъ подвергать исчисленію равновѣсіе или движеніе системъ, опредѣленныхъ чрезъ неравенства или уравненія между безконечно малыми величинами, и условія перваго рода до него не были изслѣдованы.

6-е. Разсужденіе о конечныхъ квадратурахъ, содержащее двѣ извѣстныя формулы для исчисленія опредѣленныхъ интеграловъ; но Остроградскій далъ предѣлы, служащіе для приближеннаго исчисленія погрѣшностей. Для одной изъ этихъ формулъ предѣлы были уже даны Поасономъ, но несовершенно, а для другаго предѣла формула найдена въ первый разъ Акад. Остроградскимъ.

ми, сколь они ни полезны, не могутъ быть удовлетворительны. Кто хочетъ достигнуть цѣли, долженъ испытать усталость; кто хочетъ пріобрѣсть вѣнецъ, долженъ низойти въ арену и мужественно вступить въ борьбу. Познакомившіеся достаточно съ чистой математикой для перехода къ прикладной, вступаютъ въ новую область, гдѣ, кромѣ остроумныхъ пріемовъ анализа, самыя основанія науки, приведенія условій вопроса прикладной математики къ вопросу чистаго анализа, разборъ его отвѣтовъ, приводятъ въ дѣятельность и возвышаютъ всѣ силы мышленія. Кто восходилъ до умозрительной и небесной механики, теоріи звука, свѣта, электричества, и не чувствовалъ, въ этихъ чистыхъ сферахъ, свои умственныя силы свѣжѣе и могущественнѣе? Кто не знаетъ несравненныхъ наслажденій, доставляемыхъ изумительными и полезными выводами въ этихъ занятіяхъ? Кто не находилъ въ нихъ обильнаго вознагражденія своихъ трудовъ? Если прибавимъ, что предметы, подлежащіе сужденію, въ математическихъ наукахъ не внушаютъ страстей, въ слѣдствіе которыхъ многіе утверждаютъ мнѣнія противъ убѣжденія собственнаго, что эти занятія, открывая тайны природы, обнаруживая всеблагія намѣренія Промысла въ законахъ явленій природы, исполняютъ чувствами благоговѣнія къ Творцу; то нельзя не согласиться, что умственныя силы получаютъ отъ такихъ занятій надлежащее направленіе. Такъ, ПП. ПП., *математическія науки, кромѣ неоспоримыхъ внутреннихъ высокихъ достоинствъ, имѣютъ преимущество передъ другими науками по своему дѣйствію на развитіе мышленія, и заслуживаютъ уваженіе въ нравственномъ отношеніи.*

Оканчивая эти мысли о вліяніи математики на развитіе духовнаго организма, почитаю нужнымъ остановиться еще на исчисленіи вѣроятностей, сколько по его вліянію на развитіе сужденія, столько и по важнымъ его приложеніямъ. Явленія всякаго рода подвержены общему закону, который можно назвать закономъ большихъ чиселъ; онъ состоитъ въ томъ, что замѣчено постоянное отношеніе въ большемъ количествѣ явленій одинакого рода, зависящихъ отъ причинъ, постоянныхъ и перемѣняющихся непрогрессивно въ извѣстномъ направленіи. Таковые законы замѣчаются въ явленіяхъ, которыя обыкновенно приписываютъ случаю. Такъ на пр. найдены зако-

ны, по которымъ повторяются извѣстные случаи въ играхъ, законы рожденія, смертности и множества другихъ явленій физическихъ и моральныхъ. Открытіе этихъ законовъ принадлежитъ исчисленію вѣроятностей, выводящему ихъ сужденіями a priori или изъ извѣстныхъ наблюденій и опытовъ. По важности безчисленныхъ приложеній теоріи вѣроятностей и тонкости сужденія, которыя она развиваетъ, можно назвать ее вѣнцомъ математическихъ наукъ, и должно надѣяться, что, съ усовершенствованіемъ высшаго анализа, съ увеличеніемъ потребныхъ опытовъ и наблюденій, эта теорія распространится на всѣ отрасли нашихъ свѣдѣній. Сдѣланныя до сихъ поръ наблюденія и выведенные изъ нихъ результаты имѣютъ столь могущественное вліяніе на благосостояніе обществъ, пользующихся ихъ приложеніями, что всѣ просвѣщенныя государства старались обратить ихъ въ изобильный источникъ благосостоянія, и поэтому теорія исчисленія вѣроятностей вводится, какъ необходимое свѣдѣніе для всякаго образованнаго человѣка, даже въ элементарное ученіе. Не говоря о великой важности теоріи вѣроятностей для финансовъ и для присутственныхъ мѣстъ, я ограничусь однимъ ея вліяніемъ на основаніе обществъ застрахованія различнаго рода. Изъ таблицъ смертности въ различныхъ государствахъ открыли, что Провидѣніе постановило извѣстные законы относительно продолженія жизни человѣческаго общества, на которыхъ можно математически исчислять предѣлы риска какого нибудь общества, имѣющаго въ виду ограниченіе несчастія, происходящаго отъ краткости жизни, доставленіемъ оставшимся вдовамъ и сиротамъ, послѣ кратковременной жизни ихъ родныхъ, выгодъ жизни долговременной. На этихъ законахъ основано въ Англіи, почти полтора вѣка тому назадъ, общество застрахованія *the Amicable.* Съ тѣхъ поръ число таковыхъ обществъ чрезвычайно увеличилось въ Англіи и во всѣхъ просвѣщенныхъ краяхъ; отъ нихъ зависитъ благосостояніе милліоновъ жителей, и нѣкоторыя изъ этихъ заведеній облегчаютъ Правительства отъ бремени пенсій, которыя бы слѣдовали вдовамъ и сиротамъ заслуженыхъ чиновниковъ.

Знающіе материнское попеченіе ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ, Ея беспримѣрныя жертвованія на воспитаніе сиротъ; знакомые

съ щедростью Монарха и всего Августѣйшаго Дома къ служащимъ, могутъ объяснить себѣ, почему Россія могла такъ далеко отстать отъ другихъ Государствъ относительно обществъ для обезпеченія вдовъ, сиротъ и старости. Но какъ ни велики эти жертвованія и эта щедрость, они могутъ только распростираться на извѣстное сословіе, и въ этомъ сословіи удовлетворять весьма малое число, въ сравненіи съ числомъ нуждающихся въ нихъ. Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ неисчислимомъ благотворномъ вліяніи, какое хорошо устроенныя заведенія застрахованія могли бы имѣть на счастіе различныхъ сословій общества? Это желаніе назовутъ нѣсколько опоздалымъ, потому что въ Россіи уже существуетъ общество застрахованія капиталовъ, для полученія пенсій различнаго рода. Можетъ быть, дѣйствительно, устройство этого общества отлично, и если бы рѣдкая ревность въ содѣйствіи всему полезному въ Отечествѣ, неутомимая дѣятельность, острый и вѣрный взглядъ Директоровъ общества въ дѣлахъ были достаточны для того, чтобы заставить всѣхъ участвовать въ этомъ заведеніи, для кого оно полезно; то одни имена Строгановыхъ и Бенкендорфовъ внушили бы всякому довѣріе къ обществу, и оно получило бы чрезвычайный объемъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но кругъ дѣйствія нашего общества весьма ограниченъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего бы должно было ожидать. Не отъ того ли, что обманутыя блестящія надежды акціонеровъ и потери, претерпѣнныя въ нѣкоторыхъ другихъ предпріятіяхъ, внушаютъ мнѣніе, что Русское общество застрахованія основано на невѣрныхъ расчетахъ? Если бы такое мнѣніе дѣйствительно существовало, то легко бы разувѣрить въ этомъ, не трудно бы доказать всѣмъ цыфрами, что основаніе нашего общества застрахованія не есть рискованная промышленность, что исчисленія общества вѣрны математически, какъ скоро многіе въ немъ будутъ застрахованы. Кто не видитъ съ крайнимъ сожалѣніемъ совершенное небреженіе въ учебныхъ заведеніяхъ одной изъ важнѣйшихъ частей математики? Едва въ нѣкоторыхъ Университетахъ даютъ понятіе о теоріи вѣроятностей, и до сихъ поръ нѣтъ на Русскомъ языкѣ ни одного сочиненія, ни перевода не только ученой, но даже элементарной теоріи вѣроятностей. Правда, записки Ака-

деміи содержатъ важныя разсужденія объ исчисленіи вѣроятностей; но богатыя сокровища, заключающіяся въ этихъ запискахъ со временъ Эйлера, составляютъ больше собственность просвѣщеннаго міра внѣ — нежели въ самой Россіи. Надѣемся, что Русскіе ученые постараются скоро восполнить этотъ недостатокъ, что бо́льшая дѣятельность въ математической литературѣ, со-временемъ, будетъ соотвѣтствовать неусыпнымъ отеческимъ попеченіямъ великаго Монарха, для возвышенія имени Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Къ вамъ обращаюсь, юные питомцы Университета, окончившіе курсъ ученія! Ваша пламенная любовь къ Отечеству и безпредѣльная преданность къ Престолу служатъ намъ порукою, что каждый изъ васъ, по мѣрѣ силъ, постарается принести свою дань на алтарь наукъ. Можетъ быть, ваши умственныя произведенія не найдутъ сначала возмездія соразмѣрно употребленному труду; но вамъ вѣрно скоро отдадутъ должную справедливость. Нигдѣ истинно полезный трудъ въ наукахъ не находитъ столько ободренія, сколько въ нашемъ Отечествѣ; сверхъ того вы найдете высшее вознагражденіе въ собственномъ убѣжденіи, что сдѣлались достойными сынами Россіи и содѣйствовали исполненію отеческихъ намѣреній великаго Монарха НИКОЛАЯ.

De Virtute Romanorum antiqua eiusque causis

COMMENTATIO

IN SOLEMNIBUS ANNIVERSARIIS

CAESAREAE

UNIVERSITATIS LITTERARUM MOSQUENSIS

Die xvii Junii MDCCCXLI,

RECITATA

A

Maximiliano Jakubowicz

O. Prof. Universitatis Mosquensis.

DE VIRTUTE ROMANORUM ANTIQUA EJUSQUE CAUSIS. (*)

> Moribus antiquis stat Res Romana virisque.
> Ennius apud S. Augus. de Civit. Dei. l. 11. c. 21.

I. Perquirenti mihi cogitatione materiam orationis, et solemni hoc annuo Universitatis litterariae conventu, praesentium nobilitate et dignitate perillustri, frequentiaque tanta magnifico, non indignam celebrando, et huic muneri dicendi honorifico, quod collatum in me voluit amplissimum Universitatis hujus doctissimorum Virorum collegium, defungendo consentaneam: ex recordatione vitae antiquitatis classicae, in qua saepius animo versari soleam, virtus Romanorum antiqua occurrere mihi non intempestive visa est; ut tam ipsius adumbrandae, quam causarum ejus perquirendarum, partes susciperem. Virtus enim, *quae intimam humanam naturam attingit, cum sit efficientia mentis veraeque humanae vitae causa et fons,* sive per se spectetur, sive in populo, vel in singulis etiam hominibus; et uberrimam offert materiam et pulcherrimam, tam ad contemplandum, quam ad dicendum (1). Nimirum virtus natura sua rerum omnium praestantissima est, et loco, quem in rebus humanis occupat, celsissima, et fructibus, qui ex ipsa in vitam humanam redundant, saluber-

(*) Virtutis quatuor partes statuebant veteres philosophi: prudentiam, iustitiam cum beneficentia, magnitudinem animi, et animi moderationem cum temperantia. V. Cic. Off. l. 1. c. IV. et V. Cf. ad h. l. Garve Anmerk. u. Abhad. p. 32—54.

(1) Plato, dial. Meno v. de Virtute, vers. Marsili. Ficini, p. 16. In argumento ad hunc dial. ita ex mente Platonis definit virtutem M. Ficinus: est autem hominis virtus affectio sive habitus animi, quo potentia naturalis eius quam optime suum opus exercet, quae definitio in libris de Repub. traditur. Opus cujusque potentiae tunc optime exercetur, cum ad finem suum dirigitur. Quod ad finem confert, utile dicitur. Merito igitur in hac disputatione commune virtutis officium id esse traditur, ut et actiones, et ea quibus agendo utimur, utilia reddat... Virtutum species plures sunt, pro virium animi et actuum diversitate... Sapientia est aeterna rationum omnium in mente complexio, perpetuusque veritatis intuitus. Cf. ips. dial. p. 22, 23, et 27.

rima. Spectata quidem per se, non oculis animi vel acerrimis perlustrari, non seculorum spatiis comprehendi, non mundi hujus terminis circumscribi potest. Filia enim coeli est, aeterna, infinita, immensa; divino beneficio maximo soli e rebus naturae cunctis humano generi concessa: illa praestantiam naturae humanae, huiusque gloriam, et in rerum natura principatum constituit, homines in societates nationesque congregatos, mutuis inter ipsos officiis et necessitudinibus colligatos, vi sua cohibet et continet; vitae eorum veram conciliat felicitatem, et ipsos ad illam, quae aeterna est felicitas, praeparat. Ingenia vero, mores, omnisque ratio vitae, tam singulorum cuiuscunque conditionis hominum, quam populorum, virtutem sub varietate formarum infinita et innumerabili per omnia secula in lucem proferunt et illustrant. Quot scilicet fuerunt, quot sunt eruntque homines, vitae genera et conditiones, quot gentes nationesque, tot virtutum species cogitandae sunt. Atque harum tantum ipsarum respectu in genere humano virtutem animo comprehendere, definire, distinguere, aestimare, possumus; utpote quae considerata per se formis illis humanae virtutis contineri nequeat. Cogitare autem hominem nationemque, sive is in culturae suae infantia, sive in progressu, spectetur, sine propria quadam ipsi virtutis specie nunquam licet: quippe quae adeo ad naturam humanam pertineat, ut ab hac separare illam, et cogitare vitam sine virtute humanam, absurdum foret. Ex depravatione naturae humanae oriuntur vitia, sine quibus item cogitare non possumus hominem: sed haec vitam ejus corrumpunt, deformant, dissolvunt, haudquaquam vero constituunt. Vis enim vitii contraria virtuti est; haec congregat, coniungit, consociat homines, et consociatos continet: illud dissipat, disiungit, omniaque socialia vincula rumpit, et interitum affert. Quoad vivit homo, aut populus, intelligitur virtute non carere. Conditio vero ejus magis aut minus beata, modo virtutum majore aut minore metienda est. Praeterea nulla res esse videtur, quae ad indolem et naturam populi alicujus noscendam perducere possit, quam contemplatio ejus virtutis: in hac enim inest fons, unde vita ipsius emanat, et causa, quae efficit illam sibi propriam, a vita ceterarum gentium magis aut minus discrepantem. Cum vero alicujus populi mores, instituta, leges, res gestas, et reliqua, quibus vita ejus constat, ediscere cupimus, quo potissimum fine id faciamus, nisi ut ad causas rerum harum noscendas penetremus? sine quibus ipsa doctrina illa foret prope inanis. Causas vero nullibi potissimum reperimus, quam

in hominum populorumque mente, et, quae hujus efficientia est, in virtute; quippe cui subjectae sint, tam ipsae animorum affectiones sive perturbationes, quam res circumstantes, moderandae et frenandae (2).

II. Ad virtutis Romanae adumbrationem istam qualemcunque faciendam, hac praesertim de causa animum appuli, quod, ex omnibus orbis antiqui populis, nullus aliquando fuerit, qui non amplitudine solum imperii, sed etiam ipsius civitatis majestate quadam, tot tantarumque rerum vicissitudine, varietate, commutatione, institutorumque plurimorum praestantia, cum populo Romano mihi esse videretur comparandus. Itaque populi tanti virtutem debuisse, singulari quodam modo efformari necesse est, atque eximia quadam pulchritudine enitescere.

Atque hominibus, qui ex infirmitate naturae suae vires omnium metiantur hominum, incredibilis illa plerumque videri forte possit, in fabulis numeranda et miraculis poëtarum, aut oratorum tribuenda ingeniis, nimium magnifice de illa praedicantium. Fuit tamen illa quondam, mirabilis quidem, sed fuit re vera, viguitque potens, et gloria sua omnem orbem et omnia secula implevit. Ita vero populo Romano fuit propria, ut hac in primis ille a ceteris populis antiquis distingueretur, vel potius ceteris multum emineret, etiam, vi suae virtutis in magnitudinem ingentem provectus, orbi terrarum imperaret (3). Civitates quidem nonnullae Graecorum, ex virtute, Romanae simili, effloruerant, ex potentia cuius et gloria spiritu animoque sumpto, super ceteros plerosque, communi origine cognatos sibi populos, divitiis alios, alios artibus et doctrinis magis quam virtute pollentes, dominatum extenderant: eaedem tamen ipsae, quum a virtute sua pristina longe recessissent, una cum ceteris, quae divitiis quoque, aut etiam artibus et

(2) Mens (νοῦσ) differt ab animo. Τό ἡγεμονικόν vocavit Tertullianus l. de anima cap. 14. Cic. Fin. v. 17. Animi et ejus animi partis, *quae princeps* est, quaeque *mens* nominatur, plures sunt virtutes. Alibi Cic. dicit: menti totius animi regnum a natura esse tributum — et, mente nihil homini ipsum Deum dedisse divinius. Idem l. c. mentis virtutes distinguit, alias quae non voluntariae sunt, alias, quae in voluntate positae, magis proprio nomine virtutes appellari solent, ut prudentia, temperantia, fortitudo, justitia etc. S. Aug. de Civil. Dei. l. IX. c. VI. Ipsa mens eorum, id est pars animi superior, — in qua virtus et sapientia, si ulla eis esset, passionibus turbulentibus inferiorum animi partium regendis moderandisque dominaretur.

(3) S. August. de Civil. Dei. l. V. c. XIX. Quamobrem, quamvis, ut potui, satis exposuerim, qua causa deus unus (a Cap. XII. 199 deinceps) verus et justus Romanos secundum quandum formam terrenae civitatis bonos adjuverit, ad tanti imperii gloriam consequendam: potest tamen et alia causa esse latentior, propter diversa merita generis humani, Deo magis nota, quam nobis.

doctrinis, florerent, pauperibus et indoctis Romanis, sed virtute pollentibus subjicere se, et jugum eorum accipere coactae sunt. Vicissitudo ista rerum humanarum satis superque arguit, virtutem omnibus, vel praestantissimis in alio genere quodam, rebus humanis meliorem multo esse et potentiorem.

III. Sed huius, de qua agimus, virtutis species semel tantum in genere humano effulsit, revictura profecto nunquam. Nam illa vis peculiaris quaedam animorum, rerumque circumstantium concursus, quae singularem illam, et mirabilem, pepererunt, quae robur, formam gloriamque ei praebuerunt, et sex amplius seculis conservarunt ferme integram, redintegrari certe poterunt nunquam. Nec ideo tamen virtus ista, humanitati saeculisque omnibus nullo sui fructu et usu relicto, periit. Virtus enim non est legibus rerum naturae subiecta: quae separantur locis, quas torrentis instar secum rapiunt anni currentes, mutantque et alias aliis substituunt: illa semper est, et ubique est: vel longissime inter se dissitos homines nationesque coniungit, seculorum quocunque spatio remotos facit propinquos; antiquum orbem copulat cum recenti, ac utriusque vitam populorum confundit inter se, et alteram attemperat alteri. Bonum omne, ait Plato, nunquam fit, sed est semper, h. e. semper exsistit idem, nulli unquam mutationi obnoxium. Virtus summum hominis bonum externa tantum parte sua, scilicet specie, qua declaratur in vita humana, mutatur, non autem vi sua intima. Itaque vivit et viget hodie quoque virtus antiqua, sed vi maiestateque virtutis christianae accedente, altiorem cepit locum, vel potius altissimum; quippe ideis veritatis coelestis illustrata. Reiectis vero opinionibus humanis, quae eam plerumque deformassent aut obscurassent, et sordibus, quibus ab idolorum cultoribus inquinata fuisset, detersis, candida et perfecta eluxit. Hoc enim inter utramque discriminis est; quod virtus antiqua sit humana virtus h. e. vi mentis humanae, non corruptae, modo quodam naturali efficta; ad quam necessitates, commoda et gloria vitae civilis ac domesticae attemperata sint: virtus vero christiana sit divina virtus, hoc est, divinitus revelata, quae non solum vitae humanae felicitati et gloriae consulat, sed hominem cum aeternitate, bona eius terrestria cum coelestibus, civitatem hominis cum civitate Dei coniungat. Hoc autem modo virtus christiana comprehendit etiam et continet antiquam virtutem, vitiis, quae huic ex imperfectione naturae humanae adhaeserint, rejectis. Quare veri chri-

stianae virtutis cultores simul etiam colunt antiquam. Sane laudant eam, venerantur, amore studioque suo dignam censent, et tanquam praetiosissimum, aliis profecto omnibus multo anteponendum, antiquitatis monumentum ducunt sollicite servandum custodiendumque: quippe quod sine ingenti humanitatis iactura amitti non potuerit. (*)

IV. Imaginem vero virtutis antiquae in praestantissimis monumentis scriptis, hoc est, in classicis poësis, historiae, eloquentiae, philosophiae operibus, quae ingenia ediderint clarissima, in quibus mens et virtus antiqua videatur spirare, reservatam tenemus (4). Ita vero propriis et veris coloribus virtutem hanc et mentem depictas, genuino ipsarum vultu, habitu et forma expressas, classica illa opera referunt, ut nulla lingua nostra, nulla ars, nullum aevi nostri singulare quoddam ingenium, reperire possit rationem, qua idem, imitando, efficere valeret. Contemplandis tantum autographis ipsis, docteque ac diligenter tractandis, effictam in his penitus reconditam antiquitatis mentem et cum hac veram sinceramque virtutem antiquam percipimus. Est vero nobis virtus haec veluti solum, in quo insistamus conscensuri altius; intuentes, ubi perferta virtus habitat, aeternitatem, secundum divinae doctrinae institutionem. Est quasi curriculum animorum, in quo se exerceant, et ad superandos praeparent fines, quibus eam civitas humana descripserit, quo fere statu ipsa ab antiquis relicta nobis est; et progrediendum ad virtutem, quam, ut S. Augustinus dicit, civitas Dei praescripsit.

Non a primordiis vero urbis rerumque Romanarum virtutis ipsorum imaginem repetam; licet illa tunc iam efferret se multum supra temporis sui modulum, futuram vim maiestatemque suam quasi praenuncians, populum, in quo nata fuit, quondam effectura magnum, orbis terrarum dominum. Intervallo deinde duorum seculorum, a regum inde temporibus ad sapientium aetatem (ab a. u. 245 — ad 450 et

---

(*) Cf. infr. Cap. XXIV.

(4) Fr. Creutzer Das Akadem. Studium. p. 4. Exemplarisch nennen wir die Wissenschaft des Alterthums, in sofern sie uns Einsicht gibt in diejenigen Schriften der Alten, die in Form und Inhalt, in Gedanken und Vortrag, ewige Muster alten Denkens und alter Rede sind ..... Sie sind die gereiften Früchte von der Bildung der Alten, welche nicht zufällig, nicht individuel, wie die Bildung der Neuern in so mancher Beziehung ist, vielmehr, in freier Nothwendigkeit, ein Werk der Natur erscheint. So sind nun auch jene Werke nothwendig gebildet, nach dem unwandelbaren Gesetze der Schönheit frei von dem Manierirten, Interessanten, Characteristischen. Darum heissen sie classisch. cf. p. 41—46. Cf. Garve, vermischte Aufsätze. p. 314. sqq. Id. Versuche Th. II. p. 386. sqq.

500) rebus domi bellique gestis clarissimo, vires illa sumere non destitit, quamvis inter ordinum discordias: ut pote quae germanorum inter se fratrum, de patrimonio contendentium paterno, rixis odiisque, crudelius interdum erumpentibus, similes, nunquam in reipublicae perniciem verterentur (5). Quinto demum seculo maturuit, suamque vim et gloriam cum splendore maximo ad finem usque belli Punici 3-tii, (a. u. c. 608) tenuit. Quod temporis spatium animo obversabatur, ex quo potissimum ad virtutem hanc exprimendam colores et lineamenta sumerem. Inde magis magisque languescere illa et labare coepit, donec sub civilium bellorum initia subacta malis paene concidit: et parum abfuit, quin ruinam secum totius imperii Romani traxerit; quod nonnisi providentiâ divinâ servatum sit: quippe quae summae rei administrandae principatum concessisset Augusto, qui salutem urbi, et orbi pacem, ferret.

V. PRUDENTES S. SAPIENTES.

Aetatem vero, in quam diximus cecidisse maturitatem virtutis Romanae, exemplis ejusdem pulcherrimis ditissimam, nomine sapientium sive prudentium, quo plerosque virorum, qui eam praecipuo quodam modo nobilitaverant, aequales sui venerati sint, insignimus. (6) tales autem habebantur, qui longa vita rebus gerendis oc-

(5) Dion. Halic. l. VII. c. 66. fin. ὥσπερ ἀδελφους ἀδελφοῖς, ἢ παῖδας γονεῦσον ἐν οικίᾳ σώφρονι περὶ τῶν ἴσων δικαίων διαλεγομένους, πειθοῖ καὶ λόγῳ διαλυέσθαι τά νέικη, ἀνήκεστον δὲ ἢ ἀνόσιον ἔργον μηδὲν ὑπομεῖναι δρᾶσαι κατ' ἀλλήλων. — Niebuhr, Hist. Rom. ed. Brux. t. 2. pag. 232. La posterité a conclu avec candeur, que dans le bon vieux temps les séditions ne dépassaient jamais les limites des convenences, et ne se portaient jamais jusqu à l'effusion de sang.

(6) Meiners, Histoire de l'orig. etc des sciences dans la Grèce, trad. par I. Cn. Laveaux. tom. I. p. 50 et. sq. Ce qu'étoient les sages chez les Grecs, les Claudius, les Scoevola, les Scipion, les Metellus, et sur tout Caton et Maximus l'etaient chez les Romains. — p. 62 seqq. ces vainqueurs du monde, pendant la seconde guerre punique, et plus encore entre la fin de cette guerre et le commencement de la troisieme, se trouvaient dans une situation assez semblable à celle des villes Greques de l'Asie, dans siècle des sept sages. Le moeurs des Romains etoient presque encore dans toute leur pureté; et les grandes vertus Romaines s' y montroient dans toute leur force et leur énergie, etc. — Cic. Lael. c. 2. Sunt ista, Laeli, nec enim melior vir fuit Africano quisquam, nec clarior, sed existimare debes, omnium oculos in te esse coniectos: unum te *Sapientem* et appellant et existimant. Tribuitur hoc modo *Catoni.* Scimus L. *Atilium* apud patres, nostros apellatum esse sapientem. Sed uterque alio quodam modo. Atilius, quia prudens esse in iure civili putabatur: Cato quia multarum rerum usum habebat. . . . . Propterea quasi cognomen jam habebat in senectute Sapientis — Id. c. v. C. *Fabricium*, M'*Curium*, Ti *Coruncanium*, quos sapientes nostri majores iudicabant etc. Cf Cic. de Orat. l. III. c. 33. de Senect. c. 4.

cupati, notitias rerum comparassent, senatori, duci, magistratui et patrifamilias, utilissimarum; qui cum virtute militari et civili altissimam religionis, iuris civilis, historiaeque patriae, et omnium, quibus animus humanus instruitur et exornatur, rerum scientiam, coniunxissent. Illustres isti Romani, aetate robustiore in fungendis reipublicae muneribus transacta, domi bellique rebus gestis incliti, in senectute civibus suis utiles non desinebant esse re, qua maxime pollerent, h. e. consilio; quo tam publice, in senatu et in foro, quam privatim domi nemini cousulenti deessent. Simulque iuventutis, cuius semper studiis fuerint stipati, tam exemplis vitae suae, quam instructione rerum, quae futuro duci magistratui, civi et patrifamiliae, essent inprimis necessariae, animos fingebant et mores (7).

SENATUS POPULUSQUE ROMANUS.

Atque ex hujusmodi viris, aeque meritis in rempublicam, ac prudentia, constantia, moderatione omnique honestatis genere, inter cives suos eminentibus, aetate ipsorum provecta auctoritatem insuper et venerationem augente, constabat senatus Romanus. In hoc residebat summum moderamen, et consilium, tam universi populi (8), quam cuiusque ducis, magistratus et civis; etiam plurimorum regum exterorumque populorum; quippe quorum negotia non minori fere, quam suae civitatis, auctoritate disponeret et regeret. Quum vero suprema potestas in populi universitate contineretur (9), senatus de omnibus, quaecunque ad rempublicam administrandam, institutisque et legibus firmandam, pertinerent, sumpto ad deliberandum spatio, undique circumspectis et expensis, postquam apud se necessaria illa atque utilia reipublicae fore statuisset, ex auctoritate sua, per magistratum, cujus in urbe imperium esset, ad populum referebat, cujus suffragiis decreta sua confirmarentur. Populus autem in comitia congregatus, hominibus constans ingeniis, voluntatibus, conditione, vitae genere, discrepantibus, rerumque gerendarum maximam partem rudibus, docendus erat de rebus omnibus, in quas suffragia laturus esset: itaque rerum harum gratia concione ab eodem ipso, qui comitiis praeesset, habita, vel ab alio quodam viro nobili et in negotiis reipublicae versatissimo, instruebatur. Hoc

(7) Cic. Cato. c. 9. Quid enim est iucundius senectute, stipata studiis iuventutis? An ne eas quidem vires senectuti relinquemus, ut adolescentulos doceat, instituat, ad omne officii munus instruat?
(8) Schweppe, Inner. Rechstg. Von dem Senate. p, 323.
(9) Idem, von der Staatsgew. p. 307.

modo discebat populus dominans senatui res administranti, quasi in corpore affectiones, voluntates, vires, menti rationique, obtemperare. Quod attinet magistratus, hi non nisi erant partes et administri senatus; ex auctoritate cujus pendentes, decreta ipsius, a populo comprobata, exsequebantur.

AMOR PATRIAE.

Secundum publicam vitam, hunc in modum constitutam, privata paene erat nulla. Nam cogitationes, voluntates, consilia, privatorum, non secus ac reipublicae negotia sustinentium, ad unum, communem omnibus finem, directa et intenta, tanquam in centrum suum, in rempublicam, confluebant. Hujus statu suam quisque conditionem metiebatur (10). Huic vivere, inservire, placere, propter hanc mortem contemnere, erat mos et consuetudo hominis Romani. Suam rempublicam gloriosissimam videre, sibique ab illa tantum gloriam petere, tanquam debitum virtuti praemium, salutem, potentiam opesque suas in republica posita ducere, Romanum erat. Quanto magis respublica floreret, quanto latius imperaret, leges suas pluribus populis imponeret, tanto magis se quisque privatus, in qualicunque fortunae suae tenuitate, florere, abundare, potentem esse ducebat. Hoc modo compositae res coniunctaeque, publicae et privatae, civium et civitatis, senatus, magistratuum, et patrum familiae, effinxerunt respectu reipublicae unum in omnibus animum, unam voluntatem, unum consilium, unum studium, unum communeque omnibus bonum: ex omnibus vero huiusmodi rebus constabat ille Romanus, adeo celebratus, amor patriae.

VI. PIETAS, RELIGIO.

Vitae Romanae ad hunc, ut universe proposuimus, modum, singularem sane et mirabilem, formatae et compositae, huiusque temperationis rerum civitatis, quaerendae sunt causae. Unde enim ille in Romanorum animis tantus amor patriae accenderit se; quae res eum semel ascensum foverint atque aluerint? Unde illa sapientia senatus, et constantia, quae facerent, ipsum nihil potius amare quam patriam, nulli

(10) S. Aug. de civit. Dei l. V. c. XV. Sic et isti (Romani) privatas res suas pro re communi, hoc est, republica, et pro ejus aerario contempserunt; avaritiae restiterunt: consuluerunt que patriae consilio libero: neque delicto secundum suas leges, neque libidini obnoxii: his omnibus artibus tanquam vera via nisi sunt ad honores, imperium, gloriam, honorati sunt in omnibus fore gentibus.

magis rei studere, quam bono communi, nulli rei potissimum operam impendere quam negotiis publicis? Unde illa in magistratibus peculiaris animorum bonitas, qui haud aliud quid vellent quam senatus, seque in ejus auctoritate esse non indignarentur? in populo denique, praesertim bellicoso, et, quod maius est, in manu potestatem summam tenente, unde illa mansuetudo morum et facilitas, ad obtemperandum prudentiae senatus, imperiisque et potestatibus patriis, parata et prompta? Sunt qui res, quas inclusimus quaestionibus istis, numerent praeter alias plerasque, in causis magnitudinis imperii Romani; et in his subsistant. Quaerendum tamen esset altius, tanto magis, quod nisi istae causae superiore aliqua, ipsisque firmiore, nixae fuissent, cito debilitatae efficaciam suam amisissent, eventis illis, quae imperium ad tantam magnitudinem perduxissent, non editis. Idem de aliis, ex genere illarum simili, causis, ut legum institutorumque praestantia, animis civium bellicosis, et reliquis, iudicandum est.

Igitur et illarum rerum, quas inquaestionibus nostris proposuimus, et reliquarum, quae in causis magnitudinis imperii numerantur, ultimam causam ponimus vim et efficientiam mentis in Romanis, inde emanavit virtus proprie Romana; de qua, remoto eius omni ad imperii magnitudinem respectu, per se tantum et speciatim considerata, agere instituimus.

Nomine virtutis significatione collectiva utimur; quod multas variasque ejus species denotet. Omnes vero istae mutuo inter se nexu tenentur, sive quod aliae sint causae aliarum, sive quod aliae tantum succedant aliis. Inter has virtutes speciales distinguimus illas, quae ex pietate religioneque, et quae ex vita illa, qualis primum Romae conformata stabilivit se, et in primis Romanorum peculiaris facta est, hoc est, quae ex militari et rustica vita, emanarunt. Inter omnes vero virtutes, principem locum, aliarum sicut causa, aliarum sicut dux aut moderatrix, obtinuit Pietas et Religio. Pietatis vero nomine intelligo intimum animi affectum, qui hominem in primis ad Deum maxima cura colendum incitat, simulque metu implet, ne quid contra divinam voluntatem faciat: a pietate vero distinguo religionem, ut hac certi ritus sacri significentur, quos divinitatis, certo modo effictae animo, notio affert. Apud antiquos Romanos pietas ita ad virtutes religionemque pertinebat, ut inter illas emineret, tanquam parens ipsarum, aut regina quaedam, huic, quamvis a

veri Dei notitia eiusque colendi ratione, longe abhorrenti, vim et maiestatem conciliaret, atque eidem, cum suo fere omnium choro virtutum, ornamento esset maximo.

VII. Quam illud verum sit, quod de pietatis religionisque principatu (ἡγεμονικὸν) inter ceteras virtutes affirmare non dubitaverim, demonstratione prolixa quadam ac docta non videtur egere: satisque puto fore, eventus, quales pietas mentibus Romanorum excussa habuerit, universe ostendere: et ex altera parte pios religiososque Romanos adumbrare: quibus rebus operae pretium duxi quaestionem universe de pietatis virtutumque causa interponere. Igitur ab antiquis suis moribus recedentes Romani, pietatem animis exuerunt primum. Ceterae virtutes vix non omnes obturato quasi fonte suo, paene exaruerunt (11). Religioni vero qui tunc locus relinqueretur? Certe sub finem reipublicae, quando Romani a maioribus suis diversissimi facti sunt, religio pietate, aliisque simul virtutibus, quasi vestitu ornatuque suo, spoliata, declarante se insuper ipsius defectu ac deformitate, non re et vi antiqua, sed forma tantum ad rem publicam accomodari coepta est, tanquam unum ex subsidiis, minime spernendum, reipublicae sustinendae: quacum illi necessitudo esset intima. Viri quidam optimi, rerum civilium periti, probe sentiebant, partem virium insignem reipublicae subtractum iri, religionis auctoritate imminuta tantum, necdum exempta: ne forte id acciderit, verentes, tuendae illius curam adhibuerunt maximam.

Praeterea quidam doctissimorum, ut Varro (12) et Cicero, animos civium suorum revocari ad pietatem voluisse videntur, institutis de divina natura et sacrorum cura disputationibus philosophicis; quas litteris mandatas vulgandas curaverint

---

(11) Reaufort, La Republ. Rom. t. 1. de la relig. Chap. VI. p. 354. Ce furent les moeurs qui eleverent Rome à ce haut degré de gloire; et ces moeurs, que la crainte des Dieux entretenaient se relâcherent des que les Grands cesserent, par leur exemple, d'entretenir dans le peuple ce grand respect pour la religion de ses peres. Idem p. 361, 2. Les moeurs, chez les Romains, allerent toujours de pair avec la religion, et tant qu'ils y furent attachés, ils furent vertueux. Ce ne fut que le mepris de cette religion qui amena cette affreuse corruption qui nous revolte, quand nous lisons l'histoire de derniers temps de la Republique et des premiers Empereurs.

(12) Vide S. Augues de Civis. D. l. VI. c II — Id. C. seq dicit: Quadraginta et unum libros scripsit Antiquitatum: hos in res humanas divinasque divisit ... Iste ipse Varro, propterea se prius de rebus humanis de divinis autem postea scripsisse testatur, quod prius exstiterint civitates, deinde ab eis haec instituta sint. Vera autem religio non a terrena aliqua civitate instituta est: sed plane coelestem ipsa instituit civitatem. Eam vero inspirat et docet verus Deus.

propagandasque. Hi tamen et alii conatus ad pietatem, et cum hac virtutem antiquam, intenti revocandam, vim paene habebant nullam: cum iam undique foeda scelera, iniuriae, rapinae, avaritia, libidines, alia, emergere coepissent, quae sex amplius seculis inclusa atque abdita latuerant in occulto, maiestate inprimis religionis conterrita et fugata, pio quondam populo exsecranda et detestabilia. Nunc demum, omnis ista nefaria cohors, metu soluta liberaque, in partes civitatis fere omnes incubuit, animosque civium latissime pervasit. Conatus regentium optimorumque virorum ad repellendam vim hanc, in dies ingravescentem, pestisque huius undique in urbem penetrantis vias sepiendas, omnesque claudendos aditus, intenti, apparuerunt infirmi (13), exstincto nempe in animis pietatis sensu, et cum hoc virtutis antiquae studio. Severitas legum, et poenae metus, remedia erant parum efficacia, adversus impetum ex impietate erumpentium flagitiorum; quibus olim vel ipsa umbra virtutis fuisset terribilis.

VIII. Investigemus nunc causam pietatis virtutumque in universum, postea quales Romani essent pii et religiosi, videbimus. Sed res, quam instituimus quaerere, videtur facili negotio expediri posse, quod attineat Romanos; scilicet Numa citato, conditore religionum Romanarum, aut Tarquinio Prisco, qui Graecis numinibus et sacris urbem implevisse traditur; addendum forte sit Etruscos, qui plerasque superstitionum suarum cum Romanis communicaverint. At unde hi vel alii quidam, largitores religionum habiti, easdem ipsi acceperint? Quibus commotus rebus Numa ille potuerit animum inducere, ut populum suum tanto studio templis, sacris institutisque religiosis instrueret? Sapiens scilicet legislator viderit, civitatem recte consistere non posse sine qualicunque religione, et praeterea animos bellicosi populi Romani excitato in iis sensu religioso temperandos fuisse (14). Ergo Numa religionem excogita-

(13) Liv. in Praef. Ad illa mihi pro se quisque acriter intendat animum, quae vita, qui mores fuerint.... Labente deinde paulatim disciplina velut desidentes primo mores sequatur animo; deinde ut magis magisque lapsi sint; tum ire coeperint praecipites: donec ad haec tempora, quibus nec vitia nostra, nec remedia pati possumus, perventum est.

(14) Montesq. sur la politique des Romains dans la relig. Ce ne fut ni la crainte ni la piété qui etablit la religion chez les Romains, mais la néce sité ou sont toutes les societés d'en avoir une..... Romulus, Tatius, Numa, asservirent les dieux a la politique — Sed fallitur v. d., nam tres isti, qui deos reddidisse dicuntur obnoxios rebus civilibus, ut scilicet his inservirent illi, personae erant mythicae, vel symbolicae: quae duas illas, quibus populus Romae primus se composuerat, stirpes repraesentarent. Sub Romuli nomine Ramnes cogitandi sunt, qui Pelasgi-Tyrrhenii erant mixti Cascis,

verit, qualis ei videretur fore nationi suae et suis consiliis accommodatissima? Astutia haec fuisset non sapientia: nec fraus ulla Numae, conditori religionum Romanorum habito, imputanda est. Legislator enim prudens sensum illum et intelligentiam religionis aeque ac omnis juris, boni honestique, non vi in animos nationis suae intrudi aliquando voluisse sed ipsa illa quasi naturalia atque insita in animis, studuisse putandus est excitare, excolere, formare, et roborare: quas ut assequeretur res, consentanea iis instituta, et leges efficaces, quaesivisse, quibus civitas instrueretur: haud quaquam animorum habitus, sic, ut dixi, affectorum et constitutorum ad suam torquendo legislationem, sed hanc ad illos accommodando. Est autem hominum menti nulla altius insculpta notio, quam divinitatis. Haec a natura humana inseparabilis est; immo vere humanam naturam constituens, qua a ceteris distinguatur naturis, multumque super cunctas extollatur; in qua notione melioris revera culturae hominum nationumque materia contineatur, excellentiae eorum et dignitatis unica sit causa, et verae felicitatis fons. (15). Huic divinitatis notioni, insitae in mente, debentur omnes veri, boni, aequi, iusti, pulchri notitiae, quas, utcumque initio imperfectas, progrediente cultu politiori, magis excultas et perfectiores depromit homo ex mente sua, qua sola cum aeternitate, sive cum divinitate, coniungitur. Atque hanc mentis coniunctionem respicit quoque illa Pythagorae aut Platonis ἀνάμνησις, (16) i. e. recordatio vitae superioris; quippe magna haec ingenia notionem de origine vi et natura mentis humanae obscurius percipientia ad explicationes confugerent, quales viderentur illis maxime probabiles; quas hodie quidem non desideramus, divina doctrina edocti: sed utiles ducimus in hoc, ut videatur, quomodo ho-

---

Tatius, vel potius, Numa, Titienses sive Sabinos repraesentat. Stirpes istae in urbem, recens conditam, secum religiones maiorum suorum attulisse putandae sunt, non vero nunc primum accepisse; quas in unam gentem coalescentes miscuerunt.

(15) Plato, de Legg. dial. I. vers, Marsil. Ficin. p. 746. Deumne an aliquem hominem, o hospites, condendarum legum causam existimatis? — Deum o hospes, deum inquam, ut decet asserere — Idem p. 748 — omnis legumlator, si quid modo profecturus est, ita leges condet, ut non ad aliud, quam ad amplissimam semper virtutem respiciat. Cic. de Legg. l. s. c. X. 29. Nos ad justitiam esse natos, neque opinione, sed natura institutum esse ius. — Id L. II. C. IV. — legem neque hominum ingeniis excogitatam, neque scitum aliquod esse populorum, sed aeternum quiddam etc. Id. c. VI. Ergo est lex, iustorum iniustorumque distinctio, ad illam antiquissimam et rerum omnium principem expressa naturam: ad quam leges hominum diriguntur.

(16) Plat. Meno, p. 19—22 et in Phaedro p. 510—520 edit. Ast. Cic. Tuscul. L. I. c. 24 Cf. V. Cousin, Nouveaux fragments philos. — Examen d'un passage de Menon p. 189 et 195.

mines propriis viribus, propriaeque duce naturae, ad pervestigandam mentis suae vim, ejusque necessitudinem cum aeternitate, et inde derivandas omnium virtutum origines, nitantur. Quod attinet insitas in mente virtutum notiones, Cicero ait: „esse ingeniis nostris semina innata virtutum, quae, si adolescere liceret, ipsa nos ad beatam vitam natura produceret (17)."

Jtaque naturae mentis humanae vi et bonitate regente, per necessitudinem, quae ei cum aeternitate est, notiones, quales divinitati, quomodocunque sibi repraesentet eam, tribuat homo, notiones puta veri, boni, iusti, pulchri, a Deo, tanquam unico earum fonte derivat, et quas per notiones illas perceperit res, easdem in Deo inesse perfectissimas credit; atque etiam persuasum habet, sibi res illas, tanquam attributa divinitatis, summo studio cultuque prosequendas esse; vitamque suam, secundum attributa haec, institutam, solam bonam, solam honestam beatamque existimandam. Jgitur homo notiones illas veri, boni, iusti, pulchri, pro culturae suae gradu vario modo intellectas, variis formis induit, et in vitae agendae praecepta, tanquam divina iussa, convertit (18). Atque hac ratione tantum pietas virtutum fit parens, et haec ratio est, seu vinculum, quo virtutes cum pietate coniungantur ab eaque omnino dependeant (*). Jnde quoque fit, ut naturalem quodammodo e. g. iustitiae notitiam ducamus vim quandam in mentibus hominum, quam non admoniti per se aequum et iniquum naturali modo intelligant. Sunt quaedam, ait Cicero, tanquam dedicata simulacra divinae iustitiae nobis insculptae, per quas incitamur ad amorem iusti et aequi, et dehortamur ab iniquo et iniusto. Atque est huius notitiae tanta vis, ut volentes et invitos nos cogat, non tantum in aliis, verum etiam in nobis, iniustitiam damnare. Haec in universum de pietate. Quod attinet Romanos, pietatis sensum neque Numa neque alius quis dare illis potuit: nam ille in mentibus omnium hominum inest: sed ut sensus

(17) Cic. Tuscul. L. III. c. 1, 2.

(18) V. Cousin, Nouveaux Fragm, Philoso, p. 1. 2. Ne confondez l'histoire de la philosophie avec celle de l'esprit humain et de l'humanité. L'homme pense de bonneheur. Rien ne lui manque dans son premier elan pour atteindre la verité! L'instinct intellectuel s'applique à tout. Ne débute par poser de problemes et par essayer de les resoudre: il voit, il sent, il concoit, il croit et dés le premier jour son intelligence se developpe, mais ce developpement est tout spontané. . . Anterieurement à tout systeme le genre humaine pense, et, par les forces dont il est doué, atteint de lui-même et spontanement les verités essentielles, sans attendre les secours tardifs de la reflexion et des philosophes. Cette distinction est de la plus haute importence: elle releve la nature humaine et met déja de la lumière et de la grandeur autour de son berceau. Vid. Cic. de Legg I. 1. 22.

(*) Cf. Guizot. Cours d'Hist. mod. cinq. leço. p.—6.

hic excoleretur et invalesceret, instituta, Numae vulgo tributa, Romanos haud dubie adiuvarunt potenter.

IX. Quales pietatis suae temporibus essent Romani, nunc videamus. Quamdiu videlicet illi modo sibi proprio, suisque moribus vivebant, depravationis labe non contacti, ex intima mentis indole notitias veri, boni, iusti, pulchri, derivantes, hasque pro optimis et pulcherrimis rerum omnium ducentes, originem ipsarum a diis suis repetebant, in quibus illas et maximas et perfectissimas inesse parsuasum haberent: Deficiente quidem vera Numinis notitia simplices illi Romani pietatis sensu imbuti, colebant maxima cura diligentiaque Deum, quomodo illis videretur, optime coli debuisse; colebant pro Deo, opus divinum h. e. naturam: ut coelum in Jove sibi fingentes, terram in Junone; Apollinem, Dianam, tanquam solis et lunae symbola, e. s. p.; aut dona divina, ut Cererem et Liberum, auctores creditos agriculturae humaniorisque cultus, Mercurium commercii divitiarumque custodem et s. p.; aut attributa divina, ut in Jove omnipotentiam, in Minerva spiritum divinum, sibi repraesentantes: ceterum, Virtuti, Honori, Fidei, Paci, aliis similibus, in personas divinas mutatis, aras, templa exstruebant. Haec sane perquam docent, quanto in errore versarentur Romani respectu notitiae veri Dei eiusque cultu: sed hoc in sua religione habuisse praeclarum nemo negabit, quod persuasum haberent, iustitiam, probitatem et reliquas virtutes hominibus dedisse deos curâ maximâ colendas (19); ob has vero vel negligentius tantum habitas, illos vehementer irasci, iramque suam morbo, peste, alioque genere cladis prodere, aut praenuncia quaedam calamitatum mittere signa, quibus homines in flagitia ruentes admoniti, continerent sese, et ad meliorem vitam reverterentur. Harum rerum vim ad deterrenda fugandaque flagitia eatenus fuisse insignem, certum est, quatenus persuasionem illam de ira divina non expulisset animo depravatio morum, perversaque doctrina. Erant porro sacerdotes, alii, qui voluntatem deorum exquirere, e signis quibusdam ab iisdem, ut creditum fuit, missis divinare, et aliis eam inter-

---

(19). Beaufort, la Repub. Rom. t. I. chap. VI. de la Relig. p. 355. 6. C'etoit cette même religion, que j'ai décrite, qui forma les Remains à la vertu. Un des articles fondamentaux de celte religion était, que les Dieux veilloient sur la conduite des hommes, qu'ils haissoient le vice, et récompensoient la vertu. Celle maxime qui leur etoient souvent inculquée, et qu'ils avoient toujours presente à l'esprit, les rendoit attentifs sur eux mêmes, et les portoit à fuir le vice de quelque nature qu'il fut, et à pratiquer les vertus contraires.

pretari posse sibi viderentur; idque ex animo, nulla specie ficta simulationis, (secus ac depravationis temporibus) facientes; alii, qui iram numinis certis ritibus placare scirent; alii, donis, sacrificiis propitios reddere deos curarent, alii, qui pro reipublicae civiumque salute eos praecarentur. Quum vero ob scelus aliquod magnum, etiam universum populum, in quo illud perpetratum fuisset, dii omnes, tutelares quoque, aversari crederentur, ad mala, quae inde impenderent avertenda, nova et insolita quaedam sacra poscebantur, (καθαρμοι), et horum cura faciendorum homini permittebatur, cuius vita sollicite examinata videretur expers ullius vitiorum maculae. Tanto nempe odio dii habuisse credebantur homines facinorosos, ut omnia talium dona horrerent, et preces nullas exaudirent (20). Ceterum, „incredibile est, ait Lipsius, quam omnia publica et privata religiose coepta, administrata, patrata, ut totam civitatem sacris operatam et addictam possis arbitrari. „Certe cura sacrorum tanta tamque sincera ac dilegens apud antiquos Romanos fuit, ut non discerneres qui magis pii et religiosi essent, universus populus, an sacerdotum collegia, senatus concilium, an magistratus, duces an milites, cives an patres familiae. Itaque nil mirum, Romanos, quamquam in religione falsa, et cultu deorum suorum, saepe puerili quodam, educti, pietatis tamen sensu, ac timore imbutos irae divinae, a vitiis criminibusve, quantum humana natura pateretur, se continuisse, instituta vero patria, mores, consuetudines, quasi sacra quaedam, veneratione maxima prosecutos esse.

X. MOS MAIORUM.

Quamquam auctoritatem et vim in animos Romanorum tantam habuit eorum religio, interim tamen, id quod admiratione dignum est, eadem absolutum quoddam in civitate imperium sibi nunquam arrogavit. Nec enim statum reipublicae in unam ipsi similem formam temperavit, neque in se continuit mores, leges, instituta civitatis, quemadmodum id Aegyptiis pluribusque aliis populis Asiae contigerit. Immo omnia illa apud Romanos ex animorum indole et natura, et ex reipublicae crescentis viribus, necessitatibus, commodis, vicissitudinibus, rerumque circumstantium concursu, solute ac libere producebantur; mentis humanae integrae vi et bonitate cuncta regente, et ad notiones aequi, iusti, boni, decori informante. Id vero singulare accidit

(20) Lipsius, de Magnitud. Rom. C. V. p. 186.

Romanis, ut initiis civitatis suae, et in res huius naturae ac generis inciderint, et praeterea reges suos tali ingenio nacti sint, unde necessario bellicam in primis virtutem conciperent animis; et post occupationes militares, vitae genus eligerent unum, quod homine Romano dignum existimaretur, agriculturam (21). Rebus his comes paene assidua adiunxit se fortuna, qua iuvante brevi tempore didicerint primum repellere, mox non timere, hostem, deinceps ultro petere, vincere, urbesque et agros ex hoste captos ditionis suae facere: interim (id quod etiam ex parte quadam inter fortunae casus numerandum videtur), nullae peregrinae artes, nulla exempla vitae lautioris delicataeque, nedum luxuriosae, cujus illecebris seducti, a sua rustica, frugali et laboriosa vita abstrahi paterentur, aditum aliquem penetrandi in urbem invenerunt. Itaque utrumque hoc vitae genus, militaris et rusticae, nulla re sibi infesta impeditum, cum radices egerit, virtutes generi suo proprias procreavit; ut fortitudinem militarem, magnanimitatem, periculorum contemptum, durissimi laboris rerumque difficilium patientiam, frugalitatem, continentiam, probitatem. Praeterea aliae pleraequae pacis vitaeque civilis et domesticae virtutes, aut formas quasdam ab illis mutuarunt, aut severitatem, gravitatem, interdum etiam acerbitatem duritiamque contraxerunt (22). Inter istas res virtutesque principatum tenuit pietas et religio: haud ita tamen, ut ipsa rerum omnium potiretur, sed ut omnia quasi consecraret, hoc est, accedente auctoritate sua omnibus speciem praeberet sanctiorem. Ita vero factum est, ut quodcunque adversus humana civiliaque jura commissum, simul religioni contrarium impiumque haberetur. Hoc quoque modo omnia civilia jura institutaque, ab religione quidem fuerunt non sic occupata, ut iis formam suam dominatumque imponeret, sed ita septa et custodita, ut temeritati omni aditus fieret difficilior, et delictis poena gravior immineret.

---

(21) Fr. W. von Tigerström, Die inn. Gesch. d. Röm. Recht. Allgemeiner Theil. §. 13. p. 32. Die Römer waren bei einer noch niederen Stufe der Bildung, anfangs ein durchaus kriegerisches Volk, was den Krieg bei Religiösität über alles, und unter Beschäftigungen im Frieden nur den Akerbau liebte, während städtische Gewerbe wenig berücksichtigt, noch bis in spätere Zeit verachtet zu sein scheinen.

(22) Fr. W. Tigerst. l. c. § 14. p. 33. Als ein Kriegführendes Volk neigten sich die Römer in ihrem Leben, in Sitten und Character, zumal bei der Tapferkeit, welche über alles hoch gestellt wurde, zu einer gewissen Strenge und Härte. — Id. §. 18. Mit obiger Strenge insbesondere verband das Römische Volk in der ursprünglicher Zeit Religiosität und Sittlichkeit. — p. 32. Der ursprünglich strengen Religiosität correspondirt ursprünglich-strenge Sittlichkeit.

Itaque primo urbis seculo triplex conformavit se genus vitae proprie Romanae, religiosae videlicet, militaris et rusticae (23), quae confusae, et mutuo nexu inter sese colligatae temperataeque ita fuerunt, ut alia omnino penderet ex alia, nec moveri ulla, aut quocunque modo affici, posset, sine motu et affectione simili reliquarum. Ex composita vero hunc in modum et temperata vita Romana, virtutes quoque Romanae propriae, generisque triplicis, procreatae sunt; inter se eodem modo, quemadmodum fuissent ipsa vitae genera, coniunctae. Pietas cum virtutibus sibi propriis, cum veritate, iustitia, beneficientia, honestate, decoro, in omni facto et dicto probandis, eminebat cunctis, ex militari et rustica familiarique vita procreatis; quippe quas auctoritate sua majestateque interposita efficere videretur sanctas: virtutes vero familiares, agricolarum, probitas, frugalitas, continentia, in labore perferendo industria, juvabant militares virtutes; quae pro religione, moribus, virtutibusque patriis, et civium salute, propugnarent. Inde opiniones natae sunt Romanae genti propriae: nec bonum civem, nec militem, fieri quemquam alium posse, nisi agricolam; militem fortem strenuumque, nisi Romanum: quocirca antiquiori tempore in aerariis habebantur non agricolae, et, si qui forte rusticam vitam permutasset cum urbana, artem aliquam sellulariam amplexurus, hoc ipso aerarius, civis videlicet imperfectus, fieret, in legionem vero non scribebantur nisi agricolae: iustum denique probum, fide dignum, bonum civem neminem fieri posse, persuasum fuit, nisi eundem simul hominem pium deosque patrios colentem; quarum rerum civem tantum Romanum participem fieri posse: inde factum est, ut et ipsi peregrini Romae contemnerentur, et ab omni peregrinitatis aditu urbs arceretur.

Hunc igitur in modum primis temporibus vita composita, in talem formam redacta, et undique munita, propagabatur, posterisque tradebatur tanquam sola laudabilis, sola vere Romana, hoc est, continens, cuique Romano unice sequenda vitae exempla et regulas, ex quibus constabat *Mos Maiorum*, sive *more maiorum* vivendi veluti ars quaedam. Tanta vero auctoritate habebatur mos hic maiorum, ut crescente

(23) Triplex illud vitae genus Romanae a trium illarum stirpium, quae primo urbis seculo in unum populum Romanum coaluerunt, ingeniis studiisque, quibus praecipue inter sese discriparent, repetendum videtur. Titienses h. e. Sabini natio erat religiosissima; Ramnes bellica studia omnibus anteponebat; Luceres, qui ex Albanis s. Latinis constabant, agro colendo gens inprimis dedita. Vide Nieb. Hist. Rom. ed. Brux. t. 1. p. 264. sqq.

in dies hominum negotiorumque et controversiarum genere numeroque, deficientibusque ad plures casus legibus scriptis, ex illo saepe peterentur regulae, secundum quas negotia illa et lites iudicarentur; quarum deinde pleraeque vim legum obtinuere.

XI. Res istas contemplanti facile cuique videtur posse in mentem incurrere, nec sine admiratione quadam, cogitatio: Romanos, dum non Socratica ulla aut Platonica de virtute doctrina in urbem penetrasset, more tantum maiorum viventes, eximiarum virtutum multarumque, de quibus philosophia Graeca egregie disputare soleat, specimina edidisse; ex quo vero et philosophiam et alias Graecorum res pulcherrimas didicissent, mores mutavisse, regulisque philosophiae graecae induisse contrarios! Atqui cogitandum est; doctrinas artesque Graecorum et mores, novas omnino fuisse res, ab ingeniis moribusque Romanis valde discrepantes aut omnino et iam contrarias. Has dum reciperent, et studiosius quam cautius consectarentur, suas fastidire, negligere, mox contemnere. Quum vero in peregrinis illis et transmarinis rebus artibusque non omnes continerentur bonae ac salubres, contagione mali, quod in iis inesset, primum infecisse suas ac decolorasse: paulo post morem maiorum, quo hucusque vixerant, totum fere in peregrinae formam vitae, vitiis foedae multis, et praesertim luxuria, mollitie, voluptatibus fluentis, convertisse. Quae autem res optimae et salutares in Graecis artibus et doctrinis essent, repente non potuisse, ac ita facile, naturae et ingeniis Romanorum asperis attemperari; eo magis, quod his temporibus philosophia artesque Graecae, tanquam oblectamenta, incurrentibus subcisivis quibusdam temporibus, in otium se recipientis rusticantisve principis Romani haberentur, seria civis Romani occupatione indigna (24). Hoc igitur modo Romani, moribus Graecorum receptis et suos prope amiserunt, quippe alienis, per-

---

(24) Cic. de Fin. l. I. c. 2. Postremo aliquos futuros suspicor, qui me ad alias litteras vocent: genus, hoc scribendi, etsi sit elegans, personae tamen, et dignitatis esse negent. Contra quos omnes dicendum breviter existimo; quamquam philosophiae quidem vituperatoribus satis responsum est eo libro, quo a nobis philosophia defensa et collaudata est, quum esset accusata et vituperata ab Hortensio — Idem de Offic. l. II. c. I. Quamquam enim libri nostri complures non modo ad legendi, sed etiam ad scribendi studium excitaverunt, tamen interdum vereor, ne quibusdam bonis viris philosophiae nomen sit invisum; mirenturque, in ea tantum me operae et temporis ponere. Cf. Sallust. Jugur. C. IV. — Garve, Philos. Anmerk. u. Abhandl. zu Cicero's Büch. von den Pflicht. zum zweit. Buche p. 4 – 7. Id. l. c. p. 6 Wenn angesehne Männer sich von Griechen unterrichten liessen, so hielten diejenigen Römer, welche ausser ihren Nationalbegriffen nichts kannten, dieses für eine Erniedrigung des römischen Namens und eine Entheiligung der vaterländischen Weisheit.

quam sane specie blandis, cum suis, qui iam nunc videri admodum grave coepti sint, permutatis; et fructus ex doctrinis Graecis ad vitam melius instituendam admodum uberes referre nondum potuerunt: corrumpendae vero vitae a maioribus sibi traditae, occasionum, vitiorumque varii generis, segetem ex moribus artibusque peregrinis collegerunt feracissimam.

XII. At senatus Romanus, et optimi cives, novis rebus illis, cultu scilicet moribusque Graecis, in urbem irrumpentibus, conterriti, futuraque inde mala reipublicae praevidentes, ad morem majorum tuendum, omnique resistendum innovationi, vires intenderunt. Quum vero causas mutati ingenii depravationisque morum inter cives suos gliscentis deprehendisse sibi in doctrinis artibusque Graecis viderentur; has cum doctoribus earum ipsis urbe pellendas censuerunt, ac ne remigrarent aliquando, vias curarunt illis undique intercludendas. Scilicet Romani illi non tam veram philosophiam et artes bonas, quam potius mores Graeculorum horrebant, et doctrinam, quam plerumque animis juvenilibus inculcarent perversam, religioni moribusque Romanis contrariam (25). Tanto vero vehementius nunc omni innovationi obviam ire coeptum est, quanto jam minus timide vitia e tenebris, in quibus hucusque latuerant, prodire, quin etiam audacius tollere caput, coeperunt; praesertim peregrina illa, paulo ante, scilicet post Antiochum devictum, Romam importata, lautioris vitae desideria, mollities, avaritia luxus. Malum sane grave vitam Romanorum priscam invasit, vis in primis voluptatum: quarum illecebris et blanditiis naturae humanae infirmitas facile succumbere soleat; nisi teneri aetati accessisset doctrina tanta et exercitatio virtutum, ut firmiori aetati non videretur, impositum sibi onus esse sustinendum, ut Cicero ait, Aetna gravius, si forte, ad honesti praecepta, spretis voluptatum lenociniis, vitam instituere debuisset.

Interim litterae et artes Graecorum laetiora in dies faciebant incrementa apud Romanos: sed accidit his incommodum, haud sane levioris momenti, quale fortasse

---

(25) Garve, l. l. p. 7. Da die Griechen selbst zu der Zeit, als sie diese Wissenschaften nach Rom brachten, sich nicht mehr, weder in ihren Nationalangelegenheiten, noch in ihrem Privatumgange, durch ihre Tugend auszeichneten, so wurden die gelehrten Kenntnissen durch den Character, welchen man den Meistern in derselben Schuld gab, eines schädlichen sittlichen Einflusses verdächtich. — Apud Sallust. bell. Jugurt. c. 85. Marius in concione ad populum de se ait: Neque litteras Graecas didici: parum placebat eas discere: quippe quae ad virtutem doctoribus nihil profuerunt.

et aliis accidere plerumque solet nationibus, ut quum maxime ad sese nitantur excolendos, et ad optimarum artium doctrinarumque studia rapiantur, cum optimis simul quoque pessimae, ex animo intemperanti luxuriosoque effundantur: quippe quas, jam poëtae genio suo, in vitia prono, nimium indulgentes, jam perversa et captiosa sophistarum rhetorumque disputandi ars ac dicendi, scenici praeterea ludi, soleant producere abunde. Epicurea igitur doctrina, Plautini sales protervi et lascivi, mimorum petulantia et nequitia, vivente adhuc Catone, Scipione Nasica, multisque horum similibus, virtutis antiquae, et quasi artis more Romano vivendi, defensoribus acerrimis, increbuerunt. Itaque pessimae illae artes et docrinae nocuerunt optimis, quum sine discrimine, vel hoc jam ipso invisae, quod essent peregrinae, aliquoties senatus consulto urbe eiicerentur. Censores renascentia maxime theatra destrui, comoediam omnesque scenicos ludos urbe pelli, jubebant (26). Omnia tamen ista remedia, vehementia sane et violenta, haudquaquam radicitus exstirpare malum valuere; adeo plurimis concepta animo semina ejus foventibus, et eadem insuper concipientium multitudine crescente. Mos igitur maiorum ad pauciorem in dies civium numerum redigebatur, denique e medio sublatus est; laude tantum et fama nominis sui ad posteros transmissis.

XIII. GLORIAE CUPIDITAS.

Dum vero suis ingeniis moribusque h. e. more maiorum, vivebant Romani; in vita hac simplici, frugali, laboriosa, cultu aeque ac victu tenui, nihil habebant, quod cupiditatem aliquam excitaret vehementius atque aleret. Divitiae enim non quaerebantur cupidius, ut in vita fieri solet, paucis contenta. Luxuria, voluptates, et omnes artes voluptatum ministrae, ignorabantur. Vita rustica, colendo agro intenta, sola honesta habita, tranquilla in silentio transigebatur. Nec cupiditas honorum, nec ambitio, insignem aliquem locum reperiebant: ut inter quos videretur honos

(26) S August. C. D. lib. II. cap. VIII. de ludis scenicis. C. XI. et XII. Idem l. c. c. XIII. dicit: Romani cum artem ludicram scenamque totam probro ducerent, genus id hominum (sc. histriones, comoedos) non modo honore civium reliquorum carere, sed etiam tribu movere notatione censoria voluerunt. Praeclare sane et Romanis laudibus annumeranda prudentia! — Tertullianus, de spectac. cap. 17. theatrum appellat privatum consistorium impudentiae. Cf. Lactant. lib. 6. cap. 20. et Valer. Max. lib. II. cap. IV. 2. — Plin. h. n. lib. XXXVI. c. 15.

deberi fere unicus senectuti, prudentiae, meritis in rempublicam: ceterum sua sponte gloria et honos in domos singulas confluere videbantur, ex vetustate stirpis, memoriaque majorum rebus gestis celebrium; quae solae essent causae nobilitatis. Denique ad honores cuique aditus erat facilis, annis singulis definitos. In sua igitur antiqua vita civili nihil habebant Romani, quod vehementius concupiscerent. Sed vita militaris excitavit, et solam, ceteris silentibus, cupiditatem enutrivit gloriae; quam cives Romani conceperunt animis tantam, ut solam eam ardentissime diligerent, propter hanc vivere vellent, pro hac et mori non dubitarent (27). Ex quo autem in vita civili honores munire coeperunt viam ad gloriam, adipiscendae hujus gratia illorum quoque desideria excitata sunt; aliarumque deinceps multarum rerum, ut potentiae, gratiae, et quaecunque ducere ad gloriam viderentur, hujus gratia unius illae concupisci coeptae sunt omnes. Sed origo ejus a bellica repetenda est laude. Nam quum Romana gens veluti nata esset ad vitam perpetuo inter armorum strepitum agendam, occasionem undique bella gerendi quaerebat: hanc in primis occupationem existimans laude maxima dignam, et homini Romano pernecessariam. Inde in animos intravit, et consuetudine inveteravit, persuasio, fortitudine militari nihil esse laudabilius; nihil gloriosius quam vincere hostem, ut, vinci ab hoste, nihil turpius. Virtus et prudentia ducis aeque ac militis fortissimi in ore ferebantur omnium, atque hymnis, naeniis, convivalibus carminibus celebrabantur, et posteritati tradebantur celebranda. Exempla regum, qui aeque fere omnes essent duces magni, et iidem milites fortissimi, augebant gloriae cupiditatem. Memoria eorum gratissima Romanis semper fuit, non tam propter laudes civilis illorum prudentiae, quam rerum gestarum, praeliorum, victoriarumque celebritatem. Horatiorum, Coclitis, Coeliae virginis, Fabiorum, Camilli, aliorumque virtutes praedicabantur similis gloriae desiderio pectora inflammantes. Plorare mortem caesorum in praelio, magnis animis conserto, haud Romani erat moris. Sacra illorum memoria erat, quam funebri laudatione celebratam, posteris in exemplum transmittebant. In domos paternas ignavia mi-

---

(27) S. Aug. de C. D. lib. V. c. XII. Veteres primique Romani, quamvis Deos falsos colerent; tamen laudis avidi, pecuniae liberales erant; gloriam ingentem, divitias honestas volebant; hanc ardentissime dilexerunt, propter hanc vivere voluerunt, pro hac et mori non dubitaverunt Ceteras cupiditates hujus unius ingenti cupiditate presserunt. Id infr. Deus talibus concessit hominibus ad domanda gravia mala multarum gentium, qui causa honoris, laudis, gloriae consulerent patriae Id l. c cap XIII. De amore laudis; qui cum sit vitium ob hoc virtus putatur, quia per ipsum vitia majora cohibentur.

litum tristes afferebat nuncios: laetae accipiebant matres filiorum fortissime pugnantium occasum. Ignavum pudor in publico apparere prohibebat. Fortem aeque ducem ac militem assidua comes ubique sequebatur gloria. Igitur haec, bellicae vitae vera proles, gloria, perpetuorum alumna praeliorum victoriarumque, tandem nationi Romanae ita facta est propria, ut in naturam fere illius conversa, latissime extenderit sese, et omnibus publicis occupationibus pacis applicuerit. Patronus, iureconsultus, magistratus, aeque ac dux et miles, ardebant gloriae cupiditate, hanc semper obversatam oculis intuebantur; quasi sine gloria esset vita nulla, nedum Romana: gloria velut conditio vitae facta est, ita necessaria, ut sine hac nec vivere, nec mori, honeste videretur posse.

Gloriae cupiditas, quae in corruptione morum fieri plerumque solet vitiosa, interdum etiam perniciosa, in antiqua illa vita Romana animos ad facinora egregia, scilicet vera laude digna, stimulabat: atque eo praeterea ab reprehensione liberanda videtur, quod ceteras cupiditates premeret et quasi consopitas teneret.

XIV. FORTITUDO MILITARIS.

Nihil autem Romanis sanctius, nihil carius aut maius in orbe terrarum erat ipsorum republica: in primis quod hanc cum Diis communem sibi patriam, domiciliumque commune, esse crederent, seque illamque sub patriorum praesidio Deorum servari incolumes: deinde quod haec sola virtutum existimaretur sedes, et vitae gloriosissime agendae quasi curriculum: nimirum in qua virtuti vires suas experienti apertus videretur cursus patentissimus, et expertae perspectaeque honos tribueretur amplissimus: tum quod haec tanquam schola quaedam esse duceretur, in qua homo virtutis doctrinam haurire, et ipsam exercitatione consequi posset (29). Ita alta de republica sua civibus Romanis insita notio atque opi-

---

(28) Lips. de Magnit. Rom. c. 4. Quid autem mirandum tales fuisse, apud quos a prima adolescentia, vita omnis in armis, *honos omnis in armis erat?*

(29) Cic. de Orat. l. 1. c. 42. Ac si nos, id quod maxime debet, nostra patria delectat; cuius rei tanta est vis, ac tanta natura, ut Ithacam illam, in asperrimis saxulis tanquam nidulum affixam, sapientissimus vir immortalitati anteponeret: quo amore tandem inflammati esse debemus in eiusmodi *patriam, quae una in omnibus terris domus est virtutis, imperii, dignitatis? cuius primum nobis mens, mos, disciplina, nota esse debet, vel quia est patria, parens omnium nostrum*, etc. — Id Catil. IV. 8. quis est — cui non haec templa, aspectus urbis, possessio libertatis, lux denique haec ipsa et hoc commune patriae solum quum sit carum, tum vero dulce atque iucundum.

nio, praeterea patriorum respectus deorum et spes eorum praesidii, contemptio ingloriae ignobilisque vitae, fama nominis Romani apud omnes populos celebratissima, spiritus dabant ingentes, fiduciamque animis: quibus maiora aggrederentur, sustinerent et efficerent, quam arte, ordine, disciplina et corporum robore. In hostem processuri Romanos se esse sentiebant, quasi superioris cuiusdam naturae mortales. Contemnebant hostem, tanquam vilia quaedam mancipia, verberibus magis quam honesto certamine digna. Labores, vigilias, aestus et frigus patientia vix credibili tolerabant. (30). Adversae succumbere fortunae nesciebant: strage semel accepta terribiliores in hostem redibant; nec poterant quiescere, donec reparatis prompte viribus, victoriae laudem hosti eriperent. Talis fortitudo in ducibus, eadem in militibus, ut duces ducum viderentur fuisse. Nec praestarent militi duces, nisi prudentia et imperio, fortitudine nihilo potiores. (*)

XV. DISCIPLINA MILITARIS.

Nec magis fortitudo, quam etiam disciplina Romanorum, militaris celebratur. Huius vero firmissimum erat vinculum *sacramentum* militare (31). Mallet sane miles Romanus morti succumbere quam sacramentum violare. Inferiores superioribus et omnes ducis imperio sacràmenti magis sanctitate obligati, quam poenae metu, parebant. Tanta vis erat religionis, timorque tantus deorum, in quorum nomen iurassent! Ad praestandam duci fidem datam obstrictos se credebant milites non tam humana auctoritate, quam multo magis religione deorum; quos fallere neminem posse persuasissimum haberent. Praeterea tamen contumaces vel quocumque modo, etiam leviter ab officio desciscentes, severissima sequebatur animadversio. Duce forte absente, legato eius movere loco, quo consistere iussi fuissent milites, sub mortis poena non licuit; etiam si ab hoste fuissent obsessi. Vim modo repellere, defendere castra, debebant;

---

(30) Lips. de Magn. Rom. c. 4. arma omnia peditem ferre, cibos semestres aut menstruos, utensilia, et septenos aus plures interdum vallos. Jumentum ita oneres, negabis par futurum. Montesqu. Grand. et Decad. des Rom. Chap. 2, Il faut que je rapporte ici ce que les auteurs nous disent de l'education des soldats Romains. On les accoutumoit à aller le pas militaire, c'est a dire en cinq heures vingts milles et quelque fois vingt-quatre. Pendant ces marches on leur faisoit porter de poids de soixante livres. On les entretenoit dans l'habitude de courir et de sauter tout armés: etc.

(31) Montesq. l. l. chap. I. Les Romains ètoit le peuple du monde le plus religieux sur le serment, qui fut toujours le nerf de leur discipline militaire. Vid. A. Gell. Noc. Att. lib. VII. c. 18. Cf. Beaufort, La Rep. Rom. t. l. Chap. VI. p. 357, Sqq.

(*) Cf. Lips. l c. cap. 4.

sed inferre signa in hostem et iusto praelio demicare, prohibebantur. Quod si qui, cupiditate gloriae correptus, occasione victoriae oblata, militem in praelium educere ausus fuisset, vel prosperrima inde ab hoste victoria reportata, quod contra ducis iussum fecisset, poena eum etiam capitis, non liberasset. In quo severitas tanta erat, ut parentes non parcerent filiis.* Honoribus vero quam reverentiam praestare inferiores deberent, exemplum probet. Inter cetera instituta maiorum hoc memorabile, quod neminem voluere aequo insidentem venire ad consulem, sed honoris causa, antequam consuli appropinquassent, descendere. Cum itaque Fabius Cunctator, quinquies consul, vir etiam pridem summa auctoritate, et tunc ultimae senectutis, legatus ad filium consulem missus esset, atque illi filius honoris causa obviam prodiisset, nec lictorem praemisisset, qui iuberet, se quam primum equo descendere, et filio peditem praesto esse: indignatus noluit sponte descendere: quod ubi animadvertit filius, iussit primo lictori ut imperaret patri, ad se peditem venire: cuius voci Fabius continuo obsequutus: non ego, inquit, fili, summum imperium tuum contempsi, sed experiri volui, an scires consulem agere. Nec ignoro, quid patriae venerationi debeatur; verum publica instituta privata pietate potiora duco (32).

XVI. DISCIPLINA CIVILIS. CENSORIA SEVERITAS.

Nec huius militaris disciplinae severitate lenior erat civilis, sive eam in magistratibus sive in subiectis horum potestati spectemus. Inferiorum enim obsequium in superiores, et reverentia, eadem ab omnibus poscebantur. Magistatus, cuius summum esset imperium, respectu unius, aequati omnes, divites et pauperes, nobiles et ignobiles, gradu minores magistratus et privati. Eadem porro a quocumque, sed acrius ab eo, qui in magistratu aliquo versaretur, exigebantur morum integritas et sanctitas, vitaeque ratio et cultus nihil a more maiorum recedens. Atque erant sane magistratus, qui vigilarent, ut mores et disciplina sarta et tecta, ut aiunt, conservarentur; qui et custodes essent moderatoresque vitae et morum, et si quid non Romano more a quocunque ageretur, vindices: qui in cives cuiusque ordinis et dignitatis pari iure animadverterent; senatorium virum senatu movendo, equiti adimendo pub-

---

(32) Valer. Max l. II. c. 2 4. et not. ad h. l. ed. An. Thysii cf. Val. l. c. c. 7.

licum equum, plebeium tribu movendo, et in aerarios referendo (33). Coena sumptuosior, cultus vitae ab antiquo more vel quadam re levi abhorrens, temere aut non satis pudenter et modeste sive dictum quid, sive factum, censoriam severitatem effugere non poterant. Quid? talibus tunc vivebatur moribus, ut divitem esse probro haberetur: publicam populus Romanus magnificentiam diligebat, privatam oderat. P. Cornelium Rufinum, bis consulatu et dictatura fungentem censor Fabricius senatu, movit, ob luxuriae notam, quod decem pondo libras argenti facti haberet. Livium Salinatorem, qui post damnationem a populo, consul primum, deinde censor, creatus esset, collega in censura Claudius Nero equum vendere coegit, quod a populo damnatus fuisset. Salinator quoque eadem animadversione Claudium persequutus est, adiecta causa, quod non sincera fide secum in gratiam rediisset. Salinator vero quatuor et triginta tribus inter aerarios referre non dubitavit, quod, quum se damnassent, postea se consulem et censorem fecissent (34). Non solum mores et facta sed animorum quoque affectus damnabant Censores. Quum post Cannensem cladem quidam patriae viribus diffidentes, deque eius salute metuentes, Italiae deserendae consilia iniissent, hos deinde, restituta republica, cum in urbem rediissent, censores condemnarunt (a. u. c. 539). Praeterea magistratus ita se gerere debebant, ut reddendam sibi rationem esse arbitrarentur, quam sane muneris acti plerumque tribuni plebis reposcerent et sontes inventos populi iudicio damnarent. Obsequium vero in magistratus et reverentia requirebantur a civibus tanta, quanta fere ipsius reipublicae maiestas flagitabat, utpote quam illi repraesentare viderentur. Quum vero, ex ratione cogitandi illorum temporum, rempublicam non cives tantum, sed etiam, qui ab his colerentur in ea, suaque templa haberent, dii, statuerent; qui contra magistratum aut sacerdotem quidpiam fecisset, videretur et divinum simul et humanum ius contemnere (35).

---

(33) Montesq. l. c. cap. VIII. Ils faisoient (les Censeurs) le denombrement du peuple; et de plus, comme la force de la republique consistoit dans la discipline, l'austerité des moeurs, et l'observation constante de certaines coutumes, ils corrigeoient les abus que la loi n'avoit pas prévus, où que le magistrat ordinaire ne pouvoit pas punir. Il y a de mauvais exemples qui sont pires que les crimes; et plus d'états ont peri parcequ'on a violé les moeurs que parce qu'on a violé les lois. A Rome tout ce qui pouvoit introduire des nouveautés dangereuses, changer le coeur où l'esprit du citoyen, et en empêcher, si jose me servir de ce terme, la perpetuité, les désordres domestiques où publiques, étoient réformés par les censeurs.

(34) Valer. Max. lib. II. cap. 9, 4, 6, cf. not. ad h. l. ed. Thysii.

(35) Montesq. l. c. cap. IV. Il n'y a rien de si puissant qu'une republique où l'on observe les lois non pas par raison, mais par *passion*, comme furent Rome et Lacedémon. —

Quo circa insolentius et contumacius se gerentes severissimis legibus cohibebantur. Quemadmodum vero in templis summa reverentia praestabatur, diis primum, deinde curantibus sacra sacerdotibus; ita in curia senatori, in officio versanti magistratui; populo vero in comitiis munus suum obeunti. Reverentia hujusmodi et pietas publica in sacerdotes et magistratus, major etiam habebatur pietate in parentes. Si forte in magistratu esset filius, huic pater privatus, debitam publico muneri reverentiam praestare tenebatur, et dicto filii obtemperare.

XVII. DISCIPLINA IUVENILIS AETATIS. PATRIA POTESTAS.

Quod si disciplina, ita severa, in officio, inque morum antiquorum observantia, continebat viros, non genus alicuius, nec dignitatem, respiciens: quid cogitandum de severitate, qua cohiberetur aetas, cui si habenas remittas, ipsa modum tenere nesciet, audax, temeraria, in omne genus petulantiae prona; cui tu cedas modo te illa frenabit, quippe quae, nisi pareat modeste, superbe imperat (36). Atqui apud Romanos adolescentulis temporis nihil relinquebatur vacui, per quod vires aliquas sumere possent vitia: a primis annis assiduo exercebantur in labore patientiaque et animi et corporis. Praetexta deposita mox sub inspectione patris aut gravis alicuius viri, in forum, in senatum, in iudicia ducebantur, ut ibi, et ad civilia negotia instruerentur, et mores ad praeclara virorum, auctoritate et prudentia insignium, exempla formarent: inde aptis oneri militiae ferendo annis castra sequi stipendiaque merere debebant, ubi, si quid in animo ferociae superfuisset, id sub disciplinae militaris severitate deponebant. Ceterum ne qui ardentioris animi, nulla re alia domiti, quidpiam contra religionem, aut instituta patriae, aliquando suscipere auderet, propositus huic generi facinoris certissimus terrebat eventus, virgae et securis. Sed ne tale quid aliquando fieret: adolescentuli ex paterna domo efferebant animos verecundiâ, in superiores, non solum dignitate, sed etiam provectiore aetate, venerabiles, maximaque in omnia patria instituta, reverentiâ imbutos. Erat vero ingens potestas patria, ut merito a quibusdam scriptoribus maiestas appellata sit: quae tunc domestica

---

(36) Plato, dial. VII. d. Legg. ver. Marsil. Ficini. p. 832. Est autem puer omni bestia intractabilior. Nam cum prudentiae fontem nondum perfectum habeat, insidiosissimus est acerrimusque et petulantissimus omnium bestiarum. Ideo multis quasi frenis vinciendus est.

virtutum laude decorata, nonnisi iustum imperium exercebat, et severitatem cum affectu paterno consociabat. Pater erat in sua familia quasi rex quidam absolutus. Nullae enim leges potestatem eius coarctabant: quippe quae non instituti publici eventus fuisset; sed ex ingeniis cogitandique ratione prodiisset stirpium, quae populum Romanum primae constituerant. Uxore autem liberis, servis et omni re familiari constabat familia: in qua patri idem ius in res et personas. Potestatis huius solae erant moderatrices semper pietas et religio, integritas morum, prudentia, vita sobria et laboriosa; quae virtutes cum naturalibus coniunctae animi affectibus, nec indulgentiae effusae, nec severitati nimiae, locum dabant. In illa vitae simplicitate servi domini sui erant amici, familiares laborisque socii. Non pudebat tunc dominum una cum suis servis coenare. In hoc imitando more antiqno oblectationem animi quaerebat Horatius; quo eius versus isti pertinent:

O rus quando ego te aspiciam?
O quando fâba Pythagorae cognata simulque,
Uncta satis pingui ponentur oluscula lardo.
O Noctes o coenae Deum, quum ego meique
Ante Larem proprium vescor, vernasque procaces,
Pasco libatis dapibus. (Sat. l. II. VI. v. 60. sqq.)

Quod si Patrum familiae tunc erat comitas tanta in servos (37): quanta clementia, mansuetudo humanitas, eorum esse deberet erga illos, qui in humana vita carissimi sunt, uxor, liberi, cognati! Hoc tamen peculiari quodam et mirabili modo ingenia Romanorum distinguit: si forte quid contra rempublicam, contra instituta maiorum, leges, mores, commissum a quocunque fuisset, gravitati Romanae immane id atque intolerandum videri; quod omnem patris, consanguinei, amici, sensum affectumque excuteret animis, personamque severi iudicis et vindicis atrocis indueret, non minus in alienos quoscunque, quam in amicos, necessarios, filios denique.

---

(37) Beaufort, la Rep. Rom. t. b. Art. VIII. p. 372. La simplicité de moeurs, la frugalité et l'amour du travails, joints à des sentiments d'humanité, rendit la condition des esclaves assez douce pendant les premiers siécles à Rome. Il n'y avoit que peu de différence dans leur habillement et encore moins dans leur maniére de vivre. Ils travailloient et mangeoient àvec leurs maitres etc... dans un temps où la corruption étoit parvenu à son comble, et où les Romains avaient dépouillé tous les sentiments d'humanité envérs leurs esclaves, qu'ils ne regardoient plus que comme de vils instrumens de leur luxe et de leur orgueil, etc.

XVIII. FRUGALITAS ET LIBERALITAS, PARSIMONIA ET DIVITIARUM CONTEMPTIO, CONTINENTIA.

Simili quoque modo affectos gerebant animos Romani respectu rerum, quae publicae essent et quae ipsorum privatae: ut illas omni cura tuendas censerent et amplificandas, in suis autem, videndum sibi tantum esse ducerent satis, ne qua forte egessate premerentur. Sed hoc mirabilius est, quod sua in vita contrarias inter se res consociare scirent: frugales enim erant et parci, simul tamen liberalissimi et divitiarum contemptores. Domesticam vitam ornabant frugalitate, hoc est, modestia et temperantia; in victu non appetentes plus quam ad vitam sustentandam, tuendamque valetudinem satis esset: in cultu mundam supellectilem rudi opera ex ligno fabricatam, fictilia aut lignea vasa, commodam corpori tegendo vestem, quaerebant; plura his aut pretiosiora desiderare superfluum aut fatuum esse existimantes: servis magis et vilissimis quibusque homunculis propria ducentes. De divitiis et luxuria Graecorum, hominumque apud alios quosdam populos, fama tantum et auditione accipiebant; unde se aliquando magnam habituros praedam, aerarium reipublicae insigniter aucturam, sperantes, ipsos illorum possessores spernebant. Quum vero ad victum cultumque suum pauca desiderarent, divitias, non appetebant. Parci tamen erant; idque non fortunae cupidius augendae causa, sed quod parcae vitae assuefacti in probro effusos sumptus, parsimoniam in laude ponerent. Non habebant quidem unde multa sumerent; sed nec egebant multis, quum in tenuitate fortunae copiam rerum faceret usus ipsarum parcus.

Liberalitas autem Romanorum apparebat in cultu deorum magnifico, et in aerarii studiis augendi (38). Ditissima enim templa deorum esse voluerunt. Reipublicae rem non suam quisque augere properabat; pauperque in divite, quam dives in paupere imperio versari volebat. Inopiae, si qua forte inciderit, illustrium virorum, publice succurrebatur. Quum ingentes plerumque ex devictis urbibus populisque praedas agerent duces, aurum argentumque triumphantes in aerarium vehebant, parte quadam praedae inter milites, idque parce, ex arbitrio suo disributa, suum in usum nihil inde convertebant (39). In templa vero erigenda, in sacrificia, in ludos publice

(38) Valer. Max. lib. IV. c. 4, 9, 10.

(39) Meiners, l. l. to. 1. p. 63. Quoique les Romains eussent combattu les nationes riches, quoique bientôt après ils aient vaincu ces mêmes nations et d'autres nations encore avec leurs rois l'im-

adornandos, in vota, si qua duces in praelium ituri, aut in ipso praelio pro salute exercitus suscepissent, solvenda, senatus grandem plerumque ex aerario pecuniam erogare non dubitabat. Si autem accidisset aliquando, ut respublica, magnis implicita bellis omnibus sufficere impensis non potuisset, privati ad inopiam aerarii sublevandam lubenter concurrebant, quod quisque potuerit ex facultatibus suis comportantes.

XIX. Abstinentia et continentia tam senatus populique Romani, quam civium, quanta essent, exempla probent (40): Quum legati ab rege Philippo Macedoniae et Ptolomaeo Aegypti Romam venerunt, pollicentes ad bellum (contra Antiochum) auxilia et pecuniam: nihil eorum acceptum. Gratiae regibus actae. Carthaginienses et Massinissa quum frumentum et classem et pecuniam miserunt: de frumento responsum, ita usurum eo populum Romanum, si praetium acciperent. De classe, Carthaginiensibus remissum, praeterquam si quid navium ex foedere deberent: de pecuniis ita responsum, nullam ante diem accepturum: nam Carthaginienses promittebant, se stipendium, quod pluribus pensionibus in multos annos deberent, praesens omne daturos. Africani maioris unum abstinentiae exemplum de ingenio Romano satis docebit (41): Legatus ab Antiocho missus, privatim Scipionis animum tentare conatus, omnium primum filium, qui apud Antiochum captivus custodiebatur, sine pretio ei redditurum regem dixit; deinde ignarus et animi Scipionis et moris Romani, auri pondus ingens est pollicitus, et, nomine tantum regio excepto, societatem omnis regni, si per eum pacem impetrasset. Ad ea Scipio: „quod Romanos omnes, quod me, ad quem missus es, ignoras, minime miror, quum te fortunam ejus a quo venis, ignorare cernam. — „Ego ex munificentia regia, maximum donum filium habebo: aliis, deos precor, ne unquam fortuna egeat mea; animus certe non egebit. Pro tanto in me munere, gratum me esse in se sentiet, si privatam gratiam pro privato beneficio desiderabit; publice nec habebo quidquam ab illo, nec dabo. Quod in praesentia

---

mense butin qu'ils recueillirent, ne devint point la proie de quelques chef avides, ni de quelques troupes insatiables; il fut déposé dans le trésor public, comme une chose sacrée. Les heros qui avoient enrichi la republique, étoient ainsi que leurs familles, dans la pauvreté, où s'ils possédoient quelques biens, ce n'etoitpas le fruit de la violence et du brigandage; mais de leur travail et de leurs épargnes.

(40) Livii lib XXXVI. c. 4.

(41) Liv. lib XXXVIII. c. 36.

dare possum, fidele consilium est. Abi nuncia meis verbis, bello abstineat, pacis conditionem nullam recuset." (42).

XX. JUSTITIA ET PROBITAS.

Atque a consuetudine hac et instituto suo vivendi frugaliter, parce et continenter, usque ad belli finem Asiatici, quo regis Antiochi opes fractae sunt, non deflexerunt Romani. Qui victoriis quidem multarum opulentissimarumque Asiae civitatum, sui imperii ambitum et potentiam insigniter auxere; sed moribus suae civitatis nocuerunt; unde majora tulerunt damna, quam ex victoriis commoda (43). Nam Asiaticae vitae exempla in urbem invecta continuerunt semina, futurae Romanorum luxuriae; quae primo quidem sensim prodire coepit, serpere deinde et in dies emanare latius, donec tandem adeo invaluit, ut opponere se censoriae severitati auderet. Tunc sane Catoni, ne censor crearetur, vehementer restitum est: hic tamen, etiam minitabundus, in petendo magistratu perstitit, refragari sibi, qui liberam et fortem censuram timerent criminando; et simul L. Valerio suffragabatur: quo uno collega juvante, se nova flagitia castigaturum et mores revocaturum priscos sperasset (44). Id seculo jam ad finem labente sexto contigit (a. u. 568); septimo vero luxuriae et avaritiae vis tantum increvit, ut resistere ei, ne centum quidem tales, qualis fuerat Cato, censores valuissent.

Itaque frugalitas luxui cessit locum, avaritia autem virtutes expulit, quibus in primis nomen Romanorum apud omnes nationes erat celebre, justitiam et probitatem. Avaritia, quae natura sua insatiabilis est, violentiam, rapinas omneque genus injuriarum produxit in medium: adscitisque sibi sociis et adiutricibus, astutiâ et fraude, provincias, et, quae injuriis magis essent obnoxiae, urbes, vastabat.

---

(42) Liv. l. XXXVI. c. 36.
(43) Liv. l. XXXIX. c. 6. Luxuriae enim peregrinae origo ab exercitu Asiatico invecta in urbem est: ii primum lectos aeratos, vestem stragulam pretiosam, plagulas, et alia textilia, et, quae tum magnificae supellectilis habebantur, monopodia et abacos Romam advexerunt; tum psaltriae sambucistriaeque, et convivalia ludionum oblectamenta addita epulis: epulae quoque ipsae, et cura et sumptu majore apparari coeptae: tum coquus, vilissimum antiquis mancipium, et aestimatione et usu, in pretio esse: et quod ministerium fuerat, ars haberi coepta: vix tamen illa, quae tum conspiciebantur, semina erant futurae luxuriae.
(44) Liv. l. XXXIX c. 40. 43. 44. Cf. Id. l. XXXIV. c. 18.

Prisci autem Romani, parce et modice suis rebus utentes, nihil alieni foede aut iniuste appetebant: in fide vero servanda religiosissimi erant; qui ideo foedifragos in primis oderunt, omnique severitatis vi adhibita, interdum etiam crudelius, persequebantur. Sane probitas, hoc est, animi morumque integritas, sive candor, et in suum cuique tribuendo religio, eximio quodam et singulari modo commendabant Romanos. Atque omnium satis constat, in ore tunc populorum, et in communibus proverbiis, versata fuisse ista: *homo Romani ingenii*, *Romana simplicitas*, *Romana fides* (45), ad laudem eximiae in quocunque perspectae fidei significandam: ut in contrariam partem; *Graeca fides*, aut *Punica*, significaret, cuiusvis universe perjurium aut levitatem. Curia Romana meruit sane, ut templum potius Fidei, sicut Valerius ait, quam mortalium concilium diceretur: eadem quoque veluti commune quoddam regum populorumque forum aut tribunal erat, ubi illorum agerentur causae, aut lites dirimerentur: quasi arx, ad quam in motibus forte civitatis alicujus intestinis pars oppressa confugere soleret. Recepti vero in fidem Romanorum tutius inter hos, quam propriae restituti patriae, inter suos, quippe causa levissima quaque mutabiles, versarentur. Erant insuper casus, in quibus aut tota urbs quaedam, aut pars civium ejus, jugum Romanum, effusae domi libertati, aut amicitiae societative vicini alicujus populi potentioris, anteponeret: nimirum propter justitiam et probitatem illorum, quos dominos sibi habere mallet, et horum propter injurias et levitatem, qui amici sibi sociive esse viderentur, aut propter domesticas discordias et factionis potentioris in libertate speciosa oppressiones. Cum igitur Nabis, Spartae tyrannus, a Flaminio victus, se in fidem Romanam traderet, praesente illo sic appellavit Romanos: „nunc quum vos intueor, Romanos esse video, qui rerum divinarum foedera, humanarum fidem socialem sanctissimam habetis c. s. p. (46). Unum justitiae Romanae exemplum adiiciam: quum in Gallia praetor M. Furius insontibus Cenomanis, in pace speciem belli quaerens, ademerat arma; id Cenomani conquesti Romae apud Senatum, rejecti ad consulem Aemilium, cui, ut cognosceret causam statueretque, senatus permiserit: magno certamine cum praetore habito, tenuerunt causam: arma reddita Cenomanis, decedere provincia praetor jussus est. (47).

---

(45) Lipsi. l. c. C. III. et V. Cf. Cic. Brut. c. XXII.
(46) Liv. l. XXXIV. c. 31. Cf. l. XXXIV. c. 22. XXXV. c. 38.
(47) Liv. l. XXXIX. c. 3. Cf. lib. XXXVII. c. 32.

XXI. CONSTANTIA.

Virtutum, quas adumbrari volui, quoddam veluti agmen claudat per eminentiam Romana virtus, in qua praecipue magnitudo animi lucet, constantia; quae cum ceteris virtutibus robur conciliat, tum pro iisdem propugnat (49). Elatus ille et fortis animus, quem Romanus populus ostenderet, in voluptatibus divitiisque spernendis, in laboribus durissimis tolerandis, periculisque adeundis vel maximis, mirabilis sane erat: sed mirabilior in proposito consilioque suscepto conficiendo, in rebus adversis contemnendis: quod enim semel e republica censuisset, ab hoc persequendo nulla eum vis humana abstraheret; periculis vero terreretur nullis, et quanto graviore calamitate premeretur, tanto se fidentius et obstinatius ad profligandam eam erigeret, fortunae minas contemnens: secundum illud Livianum: „magnitudinem populi Romani adversis prope rebus admirabiliorem, quam secundis esse.“ Annibal tribus praeliis magnis victor, et ultimo illo Cannensi, Roma tamen non succumbit; immo tanto fortior it porro obviam, alta et vetera spirans. De pace nulla mentio. Quum Consul Varro, auctor cladis Cannensis, redux urbem intraret, obviam itum ab senatu populoque, et gratiae actae, quod de republica non desperasset. Mulieres in tanto suorum luctu lacrimare prohibitae. Reliquias Cannensis exercitus in urbem redire vetuit senatus, ablegatasque in Siciliam, militum numero exclusas, manere ibi jussit, quoad in Italia Annibal esset (50).

XXII. Haec fere virtutum genera fuerunt, quae Romanos in orbe antiquo peculiarem, ac paene sui similem effecerint populum. Si res ipsas, quibus civitates componuntur et gubernantur, ut religionem, instituta, leges, imperia, magistratus, militiam, opes, aliarum gentium, et Romani populi, inter se conferamus; quasdam apud illas non deteriores id genus rebus Romanorum inveniemus, quasdam etiam meliores. Atque una fuit gens, quae et Romanis, et omnibus tunc populis, multum excelleret, cultu veri Dei: fuerunt nonnullae civitates Graecae melioribus quibusdam Romanâ illis temporibus republica institutis legibusque instructae. Sed fuit una res, qua Romani populos superarent omnes, et qua dominatum suum super omne extenderent,

---

(49) Cic. Offic. I, 19.

(50) Lips. l. c. Cap. V. Montesq. Chap. IV. p. 34. ed. ster.

civium populique virtus. Haec enim in moribus et mentibus civium vigebat maxime, perque totum reipublicae corpus diffusa, vim eius vitalem constituebat. Scilicet antiquis Romanis id peculiare, auspiciisque felicissimis contigit, ut reipublicae suae fundamentum haberent positum in civium virtute; ut partes eius omnes continerentur, quasi compagibus quibusdam firmissimis colligatae et constrictae, civium virtutibus. Senatus, magistratus, populus, et obsequio tuebantur, et auguste sancteque venerabantur, prae ceteris rebus omnibus, virtutem: quam, ne alîquando re quacunque violari posset, bene undíque muniverunt. Atque ita sane virtus Romana salua per septem fere secula mansit. Cum vero mores integritatem, et mentes civium efficientiam sibi propriam, h. e. virtutem, et respublica spiritum illum vitalem, amiserint; fundamenta labefactata dilabi, commissurae illae partium reipublicae dissolvi, munitiones demoliri necessario debuerunt: quarum rerum consequens fuit reipublicae antiquae interitus. Virtute igitur civium, quâ inprimis respublica Romana per tot saecula staret, semel exstincta, nulla iam alia vis reperiri potuit, quae in illius locum substituta, rempublîcam eo statu, quo hucusque viguerat, servaret. Quod vero virtute antiqua e medio paene sublata, imperium Romanum simul non conciderit, in causa rei huius fuit vis nova virtutis; quae et vitam et formam reipublicae novam, ab antiqua valde diversam, praebuerit.

XXIII. Ciceroniana aetas in ipsam antiquae virtutis Romanae luctationem cum novis moribus, novis principiis vitae, omnique cultu novo, incidit. Vitae luxuriosius agendae cupiditas, splendidior cultus, more Asiatico, divitiarum ideo quaerendarum necessitas, animos maximam partem civium occuparunt, atque antiquae paupertatis et simplicitatis laudem contriverunt. Prisca austeritas morum, animis cultu Graecorum iucundo et amoeno emollitis et subactis, amplius non toleranda visa est; conatus civium, in quibus antiqua adhuc mens et virtus spiraret, ad illam revocandam firmandamque eventum habere prosperum non potuerunt. Iam enîm tempus venit commodum atque in primis opportunum, quo cedere necessario debuerit antiqua virtus virtuti novae, hoc est, culturae Graecae, (est enim cultura cuiuscunque populi mentis et virtutis eius quasi speculum). Haec iam dudum a Graecis illata altissimas in solo Romano radices egit, et latissime se propagavit; ut antiqua Romana virtus in paucorum animis civium adhuc vigens, quotidie ad pauciores redigeretur: Graeca igi-

tur philosophia, doctrinae artesque et omnis cultus politior, invaluerunt Romae adeo, ut Romanos commutarent paene totos, facerentque propemodum Graecos.

Inter Romanam autem et Graecam virtutem hoc interfuit, quod illa esset strictius civilis virtus, id est, regulas continens, secundum quas reipublicae certae alicuius, necessitates, vires, opes, commoda, gloria, et reliqua his similia, constituenda essent ac dirigenda: Graeca virtus animorum morumque cultum universe spectaret, aeque in homine quam in cive, atque in populo, nullo respectu huius vel illius, sed universe cuiuscumque. Virtutis igitur Romanorum regio terminis ipsorum reipublicae septa tenebatur: in hac enim excolenda et perficienda omnis illius industria exhausta fuit. Virtus Graeca latius patebat, cum specialis alicuius reipublicae statu se non circumscriberet, sed universe hominem, civem et civitatem spectaret.

Itaque Romae nova haec, Graeca, virtus in antiquae locum substitui et ad rempublicam, qualis illa fuerat antea, attemperari non potuit. Sed praeter hanc rem, amíssis paene omnino vi prisca mentis, et virtute (quae mentis est vis efficiens), sibi propria, servare illa statum suum nullo modo potuerit; necullae iam vires humanae, ulla consilia, hunc restituere ei unquam valuissent. Concidit igitur respublica Romana, ut nunquam resurgeret.

Antiquae Romanorum vitae successit nova. Augustus luctationem utriusque inter se composuit. Graecorum politiorem cultum in sinum imperii recepit, summoque studio fovit et in eo novae huius vitae Romanae fundamentum posuit. Ita vero ex propria nationi Romanae mentis efficientia nihil fere, in quo vim suam proderet, superfuit, praeter iurisprudentiam: quae seculis sequentibus exculta, laudem antiquae virtutis Romanorum cumulavit.

Agrippa quidem antiquam rempublicam revocare ad vitam conatus fuerat, et in sententiam consiliumque suum pertrahere Augustum tentaverat: illustre tamen hoc ingenium militare tam acute in rebus civilibus cernere vix potuerit, quam Maecenatis prudentia; qui in contrariam illi sententiam traxit Augustum; ut pote qui recte viderit, non esse iam in potestate humana pristinum reipublicae statum restituere, exspirante penitus in animis civium, totiusque populi, antiqua mente et virtute (51).

(51) Dio. H. R. lib. 52. cf. Vell. P. II. 88. et Dio. lib. 51.

Si forte Augustus morem gerere Agrippae voluisset, protraheretur malum, in praesentia sopitum; quod certe experrectum gravius multo in rempubilicam incidisset, horibilique edita strage, exitum babuisset certissimum, ruinam imperii.

XXIV. Ab hac tamen strage Providentia divina servavit imperium, in quo iam non Jonge abfuerit, quin nova virtus, eaque perfectissima non Romanis, sed generi humano, non seculis aliquot, sed omnibus, effulgeret, quae quidem ipsa ante omnia secula fuerat (52).

„Jam nova progenies coelo demittitur alto.
. . . .
incipient magni procedere menses.
. . . .
Aspice convexo nutantem pondere mundum,
Terrasque tractusque maris coelumque profundum.
. . . .
Aspice venturo laetantur ut omnia seclo.“

Virg. Ecs. IV.

Ita Mantuanus vates, incertum qua mente commotus, quem nascentem puerum cecinit; quasi temporum vi quadam correptus, accommodate sane appropinquantibus vitae novae seculis.

Scilicet Christiana virtus coelo descendit, inceptura novum seculorum ordinem, divinoque lumine suo orientem et occidentem Romani imperii, deinceps orbem terrarum, collustratura. Virtutis Christianae si originem et naturam spectes, non seculorum, non spatii, nec populorum, finibus ullis continere illam poteris, quippe infinitam atque aeternam; si vero ambitum, quem in populorum vita obtinuerit, respicias, amplissimus sane hic est: nam illa et humanam latiore sensu h. e. Graecam, et strictiori civilem, sive Romanam, virtutem, comprehendit (53), ac utramque erroribus, quae ex humanis opinionibus in eas irrepsissent, liberatam, sinu gremioque suo excepit.

---

(52) Rossely de Lorgues, Le Christ devant le siècle, chap. XIII. XIV. XV.
(53) Cf. Guizot, Cours d'Hist. Mod. Leçon sixieme et dixieme.

Hoc igitur modo Christiana virtus, et imperii Romani instituta, leges, mores, imperia, potestates, et Graecorum doctrinas artesque bonas, sub tutelam, praesidiumque suum recepit, atque omnia illa, interpositis sua auctoritate et moderatione, per orbem recentem, populosque Christianos, diffudit et propagavit.

Sic autem recentes populi, virtute Christiana viventes, simul Romana quoque, seu civili, et Graeca, sive litteraria, vivere putandi sunt. Itaque virtus Christiana imperiorum regnorumque recentium culturam multo ampliorem effecit antiqua; utpote quae hanc utramque ipsa, secundum principia sua temperatam et auctam, in se comprehenderit; (54) atque hoc modo secula antiqua recentibus conjunxerit. His autem rebus consentaneum id quoque est: in virtute Christiana, quippe seculis nostris propria, sitam esse cujusque imperii potentiam, prosperitatem et gloriam: et ex his rebus ipsis, quales nempe et quantae in illis appareant, coniecturam de eorundem etiam virtute trahimus; scilicet, quae maxime floreant imperia, argumentum esse, virtuti in iis honorem cultumque, esse maximum.

XXV. Imperium hoc magnum, totius scilicet Rossiae, quod paene jam ad Romani quondam imperii amplitudinem conscenderit, in quo vivimus, cujus beneficiis fruímur, cujus membra esse gloriamur, cujus potentiae et gloriae participes sumus; quo nos imbuat sensu, quam animis persuasionem injiciat? nisi hanc, increvisse illud vi potentiaque virtutis christianae in hanc molem stupendam, in hac vires ingentes, in hanc majestatem et gloriam. Vivit sane in eo virtus Romana, vivit et Graeca, sed eo modo, quo vivere illas sit necesse, et virtus christiana velit. Vigent enim Romanae, h. e. civiles virtutes, prudentia, ordo, disciplina, alia; viget et Graeca virtus h. e. bonae artes et doctrinae; quibus omnibus christiana virtus praeit et moderatur. Quis vero ille habendus sit auctor, perquem, cum uni ei parerent omnes, imperium ad hanc potentiam et amplitudinem perductum sit: nam omnes, tot consiliis, voluntatibus, affectibus discripantes, quot singuli sunt, efficere id, jam vel secundum illud Homericum, non potuere:

'Ουκ ἀγαθὸν πολοκοιρανίη, εἶσ κοίρανοσ ἔστο, εἶσ βασιλεὺσ, ῷ ἔδοκε χρόνου παῖσ ἀγκυλομήτεω σκῆπτρόν. . .

---

(54) Id. Deuxieme leçon.

Unus sane rerum harum in populo auctor fieri debuerat, unus moderator: is profecto, cui Deus permisisset virtutem illam, qua populos suos regeret, et quam inter subiectos supremae potestati suae disseminaret et propagaret: unus, in quo mens et virtus viresque imperii collectae viguissent, unde per omnes partes eiusdem diffunderentur. Utique imperium hoc amplitudinem suam et maiestatem debuisse Imperantium virtuti certum est: Qui Heredibus Suis ornatissimum patrimonium virtutis gloriaeque Suae cum rerum gestarum memoria relinquerent. Atque hac rerum suarum successione et accessione perpetua crevit hoc imperium. Quod sane amplissimum ab ALEXANDRO BEATO exceptum SUIS laudibus virtutibusque Cumulat FRATER, POTENTISSIMUS IMPERATOR DOMINUS NOSTER CLEMENTISSIMUS NICOLAUS I. IS virtute christiana animos populorum suorum implet, et Suo exemplo omnes incitando, et rationibus institutionibusque idoneis ipsam illam muniendo: IS omnes imperii Sui partes civilibus nstitutis et legibus componit et roborat: universitates litterarias, scholarumque instituta, non in speciem, sed rerum veritatem spectans, ad florentem magis magisque statum provehere, omnesque imperii Sui provincias scholarum numero, institutionibusque litterarum in diverso genere, instruere sollicite et augere non intermittit, ut omne imperium Suum civibus, non minus ad omnia officia civilia et militaria idoneis sustinenda, quam iisdem probis, iustis, et honestis ornaret: IS denique populos, quos in sinum imperii sui recepit, fraterno, vel, ut accuratius dicam, Christiano amore, inter sese conciliat, componit, consociat. Quare in Te, Imperator Magne, quod apud poetam magnum legimus praedictum, convenire fateamur:

> Tu regere imperio populos . . . . . memento
> Hae Tibi erunt artes pacique imponere morem;
> Parcere subiectis et debellare superbos. (Virg. Ae. VI. v. 852).

Precari igitur Deum, bonorum omnium auctorem et conservatorem, omnes dignum vere iustumque est, ut Talis Imperatoris, et patriae et nobis, Sanctissimi, vitam ad extremae senectutis dies producat, et Augustam Domum Universam praestet perpetuo integram, salvam, incolumem.

Краткій Отчетъ о состояніи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета за 1840-1841 академическій годъ.

Университетскій Совѣтъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго Устава, имѣетъ честь представить краткій Отчетъ о состояніи Московскаго Университета за минувшій академическій годъ.

Въ началѣ учебнаго года произведено было испытаніе желающимъ поступить въ Студенты. Изъ явившихся на испытаніе 193 учениковъ, признаны способными къ слушанію Профессорскихъ лекцій 117; сверхъ того принято безъ экзамена: воспитанниковъ и учениковъ Московскаго Дворянскаго Института 4, 1-й Московской Гимназіи 9, 2-й Московской Гимназіи 4, Гимназій Царства Польскаго 8, изъ другихъ Университетовъ, Лицеевъ и Московской Медико-Хирургической Академіи 16, и по случаю закрытія трехъ нисшихъ классовъ Виленской Медико-Хирургической Академіи 74 воспитанника; сверхъ того допущены къ слушанію лекцій 9 служащихъ Чиновниковъ и 39 Гезелей.

Вообще въ 1840—41 академическомъ году находилось въ Университетѣ Профессоровъ и Преподавателей 54, учащихся 932, именно: Философскаго Факультета въ 1-мъ Отдѣленіи 117, во 2-мъ Отдѣленіи 172, въ Юридическомъ 284 и въ Медицинскомъ Факультетѣ 359.

Учебные предметы, входящіе въ составъ каждаго Факультета и Отдѣленія, преподаваемы были слѣдующими Гг. Профессорами и Преподавателями: *въ 1-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета:* 1. Греческая Словесность и Древности, Экстраординарнымъ Профессоромъ *Гофманомъ* и Адъюнктами *Оболенскимъ* и *Менщиковымъ*; 2. Римская Словесность и Древности, Ординарными Профессорами *Якубовичемъ*, *Крюковымъ* и Учителемъ *Клиномъ*; 3. Русская Словесность и Исторія Русской Литературы, Ординарными Профессорами *Давыдовымъ* и *Шевыревымъ*; 4. Исторія и Литература Славянскихъ нарѣчій, Заслуженымъ Профессоромъ *Каченовскимъ*; 5. Древняя Исторія, Орд. Профессоромъ *Крюковымъ*; 6. Средняя и Новая Исторія, Кандидатомъ *Грановскимъ*; 7. Россійская Исторія, Орд. Профессоромъ *Погодинымъ*; 8. Политическая Экономія и Статистика, Экстраорд. Профессоромъ *Чивилевымъ*. *Во 2-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета*: 1. Чистая Математики, Экстраорд. Профессоромъ *Зерновымъ*; 2. Прикладная Математика, Орд. Профессоромъ *Брашманомъ*; 3. Астрономія и Геодезія, Орд. Профессоромъ *Перевощиковымъ* и Исправ. должн. Адъюнкта *Драшусовымъ*; 4. Физика Адъюнктомъ *Спаскимъ*; 5. Химія, Орд. Профессоромъ *Гейманомъ*; 6. Минералогія и Геогнозія, Орд. Профессоромъ *Щуровскимъ*; 7. Ботаника, Орд. Профессоромъ *Фишеромъ*; 8. Зоологія, Докторомъ *Рулье*. *Въ Юридическомъ Факультетѣ*: 1. Энциклопедія Законовѣдѣнія, Россійскіе Государственные Законы и Учрежденія, Исто-

рія Германскаго Законодательства и Обозрѣніе нынѣ дѣйствующаго иностраннаго Государственнаго Законодательства, Орд. Профессоромъ *Рѣдкинымъ;* 2. Римское Законодательство и Исторія онаго, Орд. Профессоромъ *Крыловымъ;* 3. Исторія Россійскаго Законодательства, Общіе и Особенные Гражданскіе Законы и Гражданское Практическое Судопроизводство, Ординар. Профессоромъ *Морошкинымъ*; 4. Законы Полицейскіе и Уголовные и Уголовное Судопроизводство, Ординарнымъ Профессоромъ *Баршевымъ*; 5. Законы мѣстные, Государственнаго Благоустройства и Благочинія, Орд. Профессоромъ *Даниловичемъ*; 6. Законы о Государственныхъ Повинностяхъ и Финансахъ, Ординар. Профессоромъ *Васильевымъ*; 7. Общенародное Правовѣдѣніе, Адъюнктомъ *Лешковымъ*; 8. Церковное Законовѣдѣніе, Проф. Богословія *Терновскимъ*. — *Въ Медицинскомъ Факультетѣ:* 1. Анатомія тѣла человѣческаго, Испр. долж. Орд. Профессора *Севрукомъ* и Прозекторомъ *Шмидтомъ*; 2. Физіологія и Общая Патологія, Орд. Профессоромъ *Филомафитскимъ*; 3. Фармакологія, Общая Терапія, Гигіена, Экстраорд. Профессоромъ *Анке*; 4. Токсикологія, Фармація, Рецептура, Экстраорд. Профессоромъ *Іовскимъ*; 5. Частная Патологія и Терапія, Орд. Профессоромъ *Сокольскимъ* и Адъюнктомъ *Варвинскимъ*; 6. Семіотика, Адъюнктомъ *Топоровымъ*; 7. Ученіе о душевныхъ болѣзняхъ, Орд. Профессоромъ *Буне*; 8) Хирургія Теоретическая, Орд. Профессоромъ *Альфонскимъ*; 9. Хирургія Оперативная съ Хирургическою Анатоміею, Орд Профессоромъ *Иноземцевымъ* и Адъюнктомъ *Гильтебрандтомъ*; 10. Десмургія и Офталмологія, Орд. Профессоромъ *Эвеніусомъ*; 11. Повивальное искусство и Науки о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ, Орд. Профессоромъ *Рихтеромъ*; 12. Ветеринарныя науки, Орд. Профессоромъ *Страховымъ*; 13. Судебная Медицина, Медицинская Полиція, Исторія и Литература Медицины, Орд. Профессоромъ *Армфельдомъ*; 14. Клиника внутреннихъ болѣзней (Терапевтическая), Орд. Профессоромъ *Буне* и Адъюнктами *Топоровымъ* и *Варвинскимъ*; 15. Клиника Хирургическая, Ординар. Профессоромъ *Иноземцевымъ* и Адъюнктомъ *Гильтебрандтомъ*. Богословіе и Церковная Исторія, Русская Словесность и новѣйшіе языки составляли общіе предметы для Студентовъ 1-го курса всѣхъ Факультетовъ.

Сверхъ того, Профессоръ *Гейманъ* читалъ публичныя лекціи *Технической Химіи*.

Съ Высочайшаго соизволенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, уволены за границу: Орд. Профессоръ *Гейманъ* въ Германію, Францію и Бельгію, для обозрѣнія важнѣйшихъ тамъ лабораторій и другихъ химическихъ заведеній; Адъюнктъ *Варвинскій* въ Берлинъ, Вѣну и Парижъ, для усовершенствованія себя въ избранныхъ предметахъ; и Хранитель Университетскаго Музея Докторъ *Рулье* въ Пруссію, для обозрѣнія важнѣйшихъ тамъ Кабинетовъ Зоологическихъ и Сравнительной Анатоміи.

Университетъ лишился Почетныхъ своихъ Членовъ: Адмирала Александра Семеновича *Шишкова*, Тайнаго Совѣтника Александра Ѳедоровича *Малиновскаго*, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Якова Ѳедоровича *Гинскау* и Директора Вѣнской Обсерваторіи, Профессора Іогана Іосифа Фонъ *Литрова*.

Въ Преподавателяхъ произошли слѣдующія перемѣны:

I. Экстраординарный Профессоръ *Шевыревъ* произведенъ въ званіе Ординарнаго Профессора; Экстраординарный Профессоръ *Чивилевъ*, съ Высочайшаго соизволенія, назначенъ Директоромъ Московскаго Дворянскаго Института; Ординарные Про-

фессоры *Крюковъ* и *Рѣдкинъ* утверждены Инспекторами надъ частными учебными заведеніями въ Москвѣ на 1841 годъ; сторонній преподаватель Докторъ *Гофманъ*, съ Высочайшаго соизволенія, опредѣленъ Экстраординарнымъ Профессоромъ по каѳедрѣ Греческой Словесности; Адъюнктъ *Лешковъ* утвержденъ въ степени Доктора Законовѣдѣнія; Исправляющій должность Адъюнкта въ Виленской Медико-Хирургической Академіи *Севрукъ* перемѣщенъ въ Московскій Университетъ Исправляющимъ должность Ординарнаго Профессора по каѳедрѣ Анатоміи.

II. За отлично-усердную службу, Всемилостивѣйше пожалованы: въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: Ректоръ Университета, Заслуженый Профессоръ *Каченовскій*, по службѣ въ Университетѣ, Ординарный Профессоръ *Давыдовъ*, по службѣ въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, и Ординарный Профессоръ *Альфонскій*, по службѣ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ; Ординарный Профессоръ *Погодинъ* единовременно 2,000 руб. серебромъ; Инспекторъ Студентовъ *Нахимовъ* Орденомъ Св. Анны 2-й степени, ИМПЕРАТОРСКОЮ Короною украшеннаго.

III. За выслугу узаконенныхъ лѣтъ произведены, въ Статскіе Совѣтники: Ординарные Профессоры: *Страховъ*, *Гейманъ*, *Фишеръ*, *Брашманъ*, и Экстраординарный Профессоръ *Іовскій*; въ Коллежскіе Совѣтники: Ординарные Профессоры: *Мороткинъ* и *Шевыревъ*; въ Надворные Совѣтники: Экстраординарные Профессоры: *Чивилевъ*, *Анке*, Прозекторъ *Шмидтъ*; награждены Знаками отличія безпорочной службы: за XX лѣтъ Ординарный Профессоръ *Васильевъ*, и за XXV Ординарный Профессоръ *Даниловичъ*.

Къ особымъ распоряженіямъ должно отнести:

1) На основаніи Высочайше утвержденнаго въ 21-й день Марта 1839 г. Положенія Комитета Гг. Министровъ, установляется въ Московскомъ Университетѣ съ будущаго 1841-42 акад. года денежный сборъ съ своекоштныхъ Студентовъ и Слушателей по 28 руб. $57\frac{1}{7}$ к., серебромъ съ каждаго въ годъ, на слѣдующихъ правилахъ: 1) Взносъ сей платы производится по полугодно впередъ съ 1-го Января и съ 1-го Іюля, хотя бы Студентъ поступилъ въ продолженіе полугодія; 2) плата должна быть взносима поступающими вновь въ Студенты и Слушатели при самомъ пріемѣ ихъ, а Студентами и Слушателями, находящимися уже въ Университетѣ, въ началѣ семестра, не позже однако 15-го Февраля и 15-го Сентября; 3) Студентъ, переходящій изъ другаго Университета, увольняется отъ платы за полугодіе, за которое она внесена уже имъ въ томъ Университетѣ; 4) внесенная плата остается въ пользу Университета, хотя бы Студентъ и Слушатель выбылъ изъ онаго и прежде истеченія времени, за которое она внесена; 5) исправность взноса обезпечивается лишеніемъ своекоштныхъ Студентовъ и Слушателей, не уплатившихъ въ срокъ опредѣленной суммы, права слушать Университетскія лекціи; 6) отъ платы освобождаются тѣ изъ своекоштныхъ Студентовъ и Слушателей, которые представятъ надлежащія удостовѣренія мѣстнаго Начальства о недостаточномъ ихъ самихъ, или родителей ихъ состояніи; 7) собранная сумма опредѣляется: а) на вспоможеніе бѣднѣйшимъ изъ своекоштныхъ Студентовъ, какъ въ продолженіе, такъ и при окончаніи курса ученія; b) на выдачу отличнѣйшимъ изъ своекоштныхъ Студентовъ недоста-

точнаго состоянія пособій, для дальнѣйшаго усовершенствованія по окончаніи ими Университетскаго курса; с) въ случаѣ недостатка штатныхъ и экономическихъ суммъ, на необходимые расходы на содержаніе Университета, особенно по Студентской больницѣ.

2) По Высочайше утвержденному въ $\frac{10}{22}$-й день Апрѣля 1840 г. Положенію о юридическихъ курсахъ для юношества Царства Польскаго, предподаваніе юридическихъ наукъ сосредоточивается для него преимущественно въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ Университетахъ, гдѣ и назначено открыть по двѣ каѳедры законовъ Царства Польскаго. Въ Университетахъ полагается имѣть на иждивеніи Царства до 60 воспитанниковъ и въ пополненіе сего числа ежегодно отправляемо будетъ по 15 человѣкъ. На основаніи сего узаконенія, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія предписалъ Попечителю Варшавскаго Учебнаго Округа, чтобы онъ вошелъ по сему предмету въ ближайшее сношеніе съ Начальствомъ Московскаго Округа, а между тѣмъ Его Высокопревосходительство назначилъ для занятія въ Московскомъ Университетѣ каѳедры Гражданскихъ Законовъ Царства Польскаго, съ судопроизводствомъ и постановленій о гипотекахъ и нотаріатѣ, Орд. Пр. Даниловича, съ тѣмъ, чтобы впредь, до пріѣзда воспитанниковъ изъ Варшавы, онъ продолжалъ преподаваніе лекцій по занимаемой имъ нынѣ каѳедрѣ.

3) Университетскій Совѣтъ, съ разрѣшенія Г. Попечителя, открылъ конкурсъ для занятія упразднившейся каѳедры Зоологіи во 2-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета. Каждый соискатель долженъ представить, кромѣ изданныхъ имъ по части Зоологіи сочиненій, ежели таковыя имѣются: 1) Исторію Зоологіи, какъ вообще, такъ и въ особенности въ Россіи, съ указаніемъ источниковъ и писателей, пояснившихъ лучшимъ образомъ относящіеся къ наукѣ предметы. Исторія должна быть выражена въ общихъ, рѣзкихъ чертахъ, и особенное вниманіе обращено на послѣднее десятилѣтіе (послѣ Кювье) и на современное состояніе науки; 2) разсужденіе о предметѣ, объемѣ и лучшемъ способѣ преподаванія Зоологіи; 3) общій планъ науки и подробный конспектъ всѣхъ частей чистой Зоологіи, преподаваемыхъ въ Московскомъ Университетѣ (Общей Зоологіи, Органологіи, Физіологіи и Систематики животныхъ), включая въ число ихъ Палеонтологію; кромѣ того частный конспектъ Зоологіи Медицинской. Части Зоологіи должны быть обняты вполнѣ и представлены сообразно новѣйшимъ открытіямъ ея. Срокъ для представленія конкурсныхъ сочиненій назначенъ 1-го Января 1842 года.

4) По распоряженію высшаго Начальства, изъ числа поступившихъ въ Московскій Университетъ Студентовъ Виленской Медико-Хирургической Академіи, назначено 10-ти стипендіи отъ 60 до 80 руб. и 36-ти ежегодныя пособія отъ 30 до 50 руб. серебромъ.

Въ продолженіе академическаго года удостоены ученыхъ степеней и разныхъ Медицинскихъ и Фармацевтическихъ званій:

1. Степени *Доктора Медицины:* Лекари: Людвигъ *Гебель*, Яковъ *Прибиль* и Алексѣй *Билетовъ* (*).

(*) *Для полученія Докторской степени означенныя лица представили диссертаціи: Гебель de wena portae; Прибиль: de Hemitritaeo; Билетовъ: de oleo jecinoris Aselli.*

2. *в нія Инспектора Врачебной Управы*, состоящій въ должности Инспектора Псковской Врачебной Управы *Бернардъ*.

3. *Въ Штабъ-Лекари:* Уѣздные врачи: Землянскій — Иванъ *Смирновскій*, Донецкаго округа — Иванъ *Сиротинъ* (*).

4. Званія *Акушера*, Докторъ Медицины Карлъ Фридрихъ *Гейкингъ*.

5. *Званіе младшаго ветеринарнаго врача* 1-го Отдѣленія, состоящій на службѣ въ Московской Удѣльной Конторѣ Лекарь 1-го Отдѣленія Николай *Лебедевъ*.

6. *Званія Лекаря*: бывшіе Студенты: изъ Оберъ-офицерскихъ дѣтей Павелъ *Коко*, Александръ *Ахлебининъ*, Евгеній *Тарховъ*, изъ духовнаго званія Алексѣй *Щегольковъ*, исключенные Правительствующимъ Сенатомъ изъ купечества Павелъ *Скребковъ*, изъ мѣщанъ Иванъ *Пантоевъ*, Степанъ *Басталовъ*, изъ иностранцевъ Карлъ *Розеновъ* и Кандидатъ Юридическихъ наукъ Иванъ *Барышевъ*.

7. *Фармацевтическихъ званій:* Провизора 20, Аптекарскаго помощника 6.

8. *Званія зубнаго Лекаря* 1.

По произведенному испытанію въ 1-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета признаны способными къ занятію должности учителя въ казенныхъ заведеніяхъ 2 Чиновника.

По испытаніи, на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го Іюня 1834 г. Положенія, удостоено *званія домашнихъ учителей и учительницъ* 45.

Кромѣ настоящихъ должностей, слѣдующіе Гг. Профессоры и Преподаватели занимались особыми учеными трудами: Ордин. Проф. Даниловичь написалъ статью *Историческій взглядъ на статуты Литвы*; Орд. Проф. *Перевощиковъ* печатаетъ курсъ *Астрономіи* и вторымъ изданіемъ *Гимназическій курсъ чистой Математики;* Орд. Проф. *Фишеръ* занимался описаніемъ изобрѣтеннаго имъ *панкратическаго Микроскопа*; Орд. Проф. *Погодинъ* издалъ *образцы Славянскаго древлеписанія*, тетради 1 и 2, и издаетъ *учено-литературный Журналъ Москвитянинъ*; Ординар. Профес. *Рѣдкинъ* печатаетъ 1-й Томъ *Юридическихъ Записокъ*; Ординар. Профес. *Баршевъ* издалъ *Общія начала Теоріи* и *Законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ;* Орд. Проф. *Филомафитскій* — 2 и 3-ю часть сочиненной имъ *Физіологіи*; Ордин. Профес. *Сокольскій* — переводъ *Нософафіи и Терапіи Шенлейна*; Орд. Проф. *Щуровскій* — *Описаніе Уральскаго хребта въ физико-географическимъ, геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ* (**); Орд. Проф. *Шевыревъ* печаталъ статьи въ Журналахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Москвитянинѣ; Адъюнктъ *Оболенскій* окончилъ корректуру *Словаря Еллино-Россійскаго*, изд. *Ивашковскаго;* Адъюнктъ *Спасскій* печатаетъ *Лек-*

(*) Для полученія званія Штабъ-Лѣкаря означенныя лица представили сочиненія: *Смирновскій: описаніе болѣзни мокротной горячки, существовавшей Землянскаго уѣзда въ селеніи Березовкѣ въ 1837 году; Сиротинъ: описаніе Сибирской болѣзни* (morbus Sibiricus), *существовавшей спорадически на людяхъ въ Колитвенской и Усть-Бѣлоколитвенской Станицахъ.*

(**) Означенная книга Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія представлена была Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу. Его Высочество, принявъ книгу сію съ благосклонностію, поручилъ объявить Профессору Щуровскому отъ имени Его Высочества совершенную благодарность.

ціи о метеорологіи Кемтца; Адъюнктъ *Гильтебрантъ* издалъ переводъ *Юнкена о глазныхъ болѣзняхъ;* Адъюнктъ *Лешковъ* написалъ диссертацію на степень Доктора: *Историческое изслѣдованіе началъ неутралитета относительно морской торговли.*

Учебныя пособія Университета умножены разными предметами, а именно: въ Библіотеку поступило: 1,050 сочиненій въ 1,578 Томахъ; въ Кабинеты: Физическій 4 снаряда и инструмента, Зоологическій 32 чучелы животныхъ, Минералогическій 543 минералла, Анатомическій 66, Зоотомическій 51 препаратъ; въ Ботаническій садъ 542 вида растеній и сѣменъ; въ Химическую Лабораторію 566 инструментовъ и снарядовъ; въ Обсерваторію 1 снарядъ (*).

Вообще учебныя пособія находились въ слѣдующемъ состояніи: 1. Въ Библіотекѣ 47,724 сочиненій въ 67,769 Томахъ. 2. Въ музеѣ Естественной Исторіи чучелъ животныхъ 41,652, и минераловъ 7,430. 3. Въ учебномъ Минералогическомъ Кабинетѣ 4,863 штуфа и 24 снаряда. 4. Въ Физическомъ Кабинетѣ 375 инструментовъ и снарядовъ. 5. Въ Минцъ-Кабинетѣ 13,076 монетъ и медалей. 6. Въ Гербаріумѣ 15,527 сухихъ растеній. 7. Въ Ботаническомъ садѣ до 6,050 видовъ растеній. 8. Въ Обсерваторіи 31 инструментъ и снарядъ. 9. Въ Химической Лабораторіи 2,986 разныхъ веществъ, препаратовъ, снарядовъ и инструментовъ. 10. Въ Анатомическомъ Кабинетѣ 5,147 препарата и 511 инструментовъ. 11. Въ Зоотомическомъ Кабинетѣ 354 препарата и 178 инструментовъ. 12. Въ Десмургическомъ Кабинетѣ 233 инструмента и снаряда. 13 Фармацевтическій Кабинетъ состоитъ изъ разныхъ реактивовъ и медикаментовъ, употребляемыхъ на лекціяхъ. Сверхъ того при Университетѣ находится особая Библіотека, собственно для казенныхъ воспитанниковъ, въ которой до 2,000 сочиненій.

Въ Университетскихъ Клиникахъ находилось больныхъ: 1) въ *Терапевтической* 93; изъ коихъ выздоровѣло 83, получило облегченіе 4, умерло 6, приходило за совѣтами 1,084. 2) *Въ Хирургической Клиникѣ* 61; изъ коихъ выздоровѣло 50, выбыло по собственному желанію и по неизлечимости болѣзней 8, умерло 3, приходило за совѣтами 649, всѣхъ операцій (за исключеніемъ относящихся къ Малой Хирургіи) сдѣлано 103. 3) *Въ Акушерскомъ Институтѣ* роженицъ 122; изъ нихъ умерло 6. 4) *Въ Студентской Больницѣ* находилось больныхъ 215; изъ нихъ выздоровѣло 193, умерло 3, осталось на излеченіи 19, приходило за совѣтами 250. Студенты 5-го курса участвовали при леченіи больныхъ въ Клиникахъ и при производствѣ операцій подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Профессоровъ и Адъюнктовъ Клиникъ; больные бѣднаго состоянія принимались безъ платы, а приходящіе изъ нихъ получали безденежно лекарства въ Университетской Аптекѣ. Въ Клиникахъ состоитъ разныхъ инструментовъ и снарядовъ 1,053. Въ Аптекѣ Университета, кромѣ приготовленія лекарствъ въ Клиники и въ воль-

(*) По распоряженію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Орд. Профессоръ Шевыревъ, во время бытности за границею, привелъ къ окончанію дѣло Университета съ наслѣдниками покойнаго Баварскаго Тайнаго Совѣтника Барона Молля, касательно покупки у него разныхъ учебныхъ пособій. Г. Профессоръ получилъ до 6,000 томовъ книгъ и до 1,200 сухихъ растеній и нѣсколько минераловъ. Эти книги и растенія доставлены въ Университетъ, но еще не разобраны.

ную продажу, дѣланы особо въ присутствіи Студентовъ разные препараты лицами, которыя подвергались въ Университетѣ испытанію на фармацевтическія званія.

Въ Университетской Типографіи отпечатано книгъ и диссертацій на ученыя степени 70, собрано за Московскія Вѣдомости, объявленія и книги 97,499 руб. 79 $\frac{5}{7}$ коп., употреблено въ расходъ 68,376 руб. 10 $\frac{3}{7}$ коп. серебромъ. — Вообще въ Типографіи отпечатано до 6,696,660 листовъ.

Состоящія при Университетѣ Ученыя Общества продолжали свои занятія: 1. *Императорское Общество Испытателей Природы* имѣло 8 засѣданій, въ которыхъ были читаны сочиненія по части Зоологіи, Геологіи, Ботаники, Палеонтологіи и другимъ отдѣленіямъ естественныхъ наукъ. Изданы: четыре книжки Записокъ Общества (Bulletin de la Societé Imperiale des naturalistes de Moscou), заключающихъ въ себѣ 34 листа печатнаго текста и 15 рисунковъ. Сверхъ того Общество печатаетъ на свой счетъ сочиненіе Профессора С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи Д. Ч. *Эйхвальда* подъ заглавіемъ Fauna Caspico-Caucasica, долженствующее составить VI Томъ Записокъ (Memoires) Общества; и поддерживаетъ значительныхъ издержекъ стоющее путешествіе Г. *Карелина* по Сибири, для изслѣдованія Алтайскихъ и Саянскихъ горъ, въ естественномъ ихъ отношеніи (*). Г. Вице-Президентъ *Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ* приводитъ къ концу собираніе матеріаловъ къ описанію *прямокрылыхъ насѣкомыхъ* (Orthopteres) *Россіи*, долженствующее составить продолженіе его же Entomographie de la Russie. Д. Ч. *Турчаниновъ* готовитъ къ печатанію описаніе *Даурскихъ растеній*: Flora Altaica-Daurica. Д. Ч. Мочульскій занимается описаніемъ *путешествія* его *по Кавказу и Сибири*, въ естественномъ отношеніи. Общество присудило въ награду Орд. Профессору Московскаго Университета и Медико-Хирургической Академіи *Фишеру* и механику *Шевалье* въ Парижѣ, золотыя медали, каждая въ 500 р. асс., первому за изобрѣтеніе *панкратическаго Микроскопа*, а послѣднему за устройство сего инструмента. Въ прошломъ году Общество состояло изъ 257 Почетныхъ и 651 Дѣйствительныхъ Членовъ. 2. *Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ* имѣло 7 засѣданій, въ которыхъ читаны *разныя* историческія разсужденія и изслѣдованія. Общество продолжаетъ печатать *Дипломатическія сношенія Царя Іоанна Васильевича* Грознаго съ Королями Польскими Сигизмундомъ и Стефаномъ Баторіемъ; 3-й Томъ *Повѣствованія о Россіи Г. Арцыбышева*; *изслѣдованіе о древнемъ періодѣ Русской Исторіи Г. Погодина*; IV и V книгу *Рускаго Историческаго Сборника*. Предприняло продолженіе *Русскихъ достопамятностей*, поручивъ изданіе Д. Члену *Дубенскому*, гдѣ опредѣлено помѣщать подлинные документы историческіе. Д. Ч. *Снегиревъ* печатаетъ свое *описаніе Москвы*. Общество состоитъ изъ Членовъ: 24 Почет-

(*) Г. Карелинъ, обязавшійся къ два года объѣхать и изслѣдовать хребты Алтайскихъ и Саянскихъ горъ, посѣтилъ уже города Троицкъ, Змѣиногорскъ, Омскъ, Семипалатинскъ, крѣпости Бухтарминскую и Усть-Каменогорскую, рѣки: Черный или верхній Иртышъ, Теректу, Курчуму, Калджиру и Ишуйя, Озера: Наръ-Зайсанъ, Балкаха и оба Алакуля; цѣпи горъ: Тарбагатая, Нарыма, Сержинскаго Бѣлка, Джайдокъ, Ивановскаго Бѣлка, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Крестовой Горы, Саратау, Монтрока и другія, мало или вовсе неизвѣстныя мѣста съ ихъ окрестностями. Собранные имъ на пути и доставленные уже въ Общество предметы Естественной Исторіи изъ всѣхъ трехъ Царствъ природы, многочисленны и составляютъ большой запасъ для выгодной мѣны за границею.

ныхъ, 80 Дѣйствительныхъ, 3 Благотворителей, 29 Соревнователей и 3 Корреспондентовъ. 3) *Физико-Медицинское Общество* состоитъ изъ 33 Почетныхъ Членовъ, 90 Дѣйствительныхъ и 62 Членовъ-Корреспондентовъ. Общество имѣло 7 засѣданій, съ которыхъ читаны разныя Медицинскія сочиненія и ученыя письма, присылаемыя на имя Общества, а также происходили словесныя разсужденія о предметахъ, касающихся врачебныхъ наукъ.

При окончаніи академическаго года Студенты и Слушатели Университета, окончившіе опредѣленный Уставомъ курсъ ученія, подвергались испытанію въ Факультетахъ и Отдѣленіяхъ на ученыя степени и званія. По общемъ соображеніи познаній, прилежанія и поведенія означенныхъ Студентовъ, Университетскимъ Совѣтомъ, согласно заключенію Факультетовъ, удостоены:

I. Степени Кандидата.

1-го Отдѣленія Философскаго Факультета:

1. Владиміръ Авиловъ.
2. Павелъ Леонтьевъ.
3. Александръ Роберъ (*Казенный Студентъ*).
4. Осипъ Пѣховскій (*Воспит. Учебн. Завед. Царства Польскаго*).
5. Андрей Лаптевъ.
6. Михаилъ Тумановъ.
7. Константинъ Габріельсъ (*Воспит. Александ. Сирот. Института*).
8. Петръ Поповъ.
9. Семенъ Шафрановъ.
10. Валентій Болевскій (*Воспит. Учебн. Завед. Царства Польскаго*).
11. Дмитрій Валуевъ.
12. Сергѣй Полуденскій.
13. Николай Битовтъ.
14. Ѳома Буцельскій (*Воспит. Учебн. Завед. Царства Польскаго*).

2-го Отдѣленія Философскаго Факультета:

а) По Отдѣленію Математическихъ Наукъ:

1. Пафнутій Чебышевъ.
2. Яковъ Лесишъ (*Воспит. Учебн. Завед. Царства Польскаго*).
3. Іустинъ Де-Шарьеръ.
4. Леонардъ Новицкій.
5. Октавіанъ Невенгловскій.
6. Адольфъ Лешкевичъ.

б) По-отдѣленію Естественныхъ Наукъ:

1. Николай Толбинъ.

Юридическаго Факультета:

1. Андрей Кореневъ.
2. Николай Милютинъ.
3. Александръ Шрамченко.
4. Феликсъ Дмитревскій.
5. Людвигъ Мацѣевичъ.
6. Михаилъ Хардинъ.
7. Василій Трашковъ.
8. Іосифъ Хоньской.
9. Константинъ Лясковскій.

II. Званія Дѣйствительнаго Студента.

1-го Отдѣленія Философскаго Факультета:

1. Семенъ Шереметевскій (*Воспит. Москов. Воспит. Дома*).
2. Марцелій Соболевскій (*Воспит. Учеб. Завед. Царст. Польскаго*).
3. Иванъ Севостьяновъ.
4. Дмитрій Смирновъ.
5. Василій Баталинъ.
6. Иванъ Сносниковъ.
7. Карлъ Сарторіусъ.
8. Тимофей Добрынинъ.
9. Николай Барминъ.

2-го *Отдѣленія Философскаго Факультета:*

а) По Отдѣленію Математическихъ Наукъ:

1. Тимофей Урбанскій (*Воспит. Учеб. Завед. Царст. Польскаго*).
2. Николай Петровъ (*Воспит. Александр. Сирот. Института*).
3. Петръ Лекторскій (*Казенный Студентъ.*)
4. Антонъ Смолякъ (*Воспит. Бѣлорусскаго Учеб. Округа*).
5. Доминикъ Окнинскій (*Воспит. Учеб. Завед. Царства Польскаго*).
6. Василій Боголюбовъ.
7. Николай Алексѣевъ.
8. Иванъ Пыжевскій.
9. Николай Толмачевъ.

b) По Отдѣленію Естественныхъ Наукъ:

1. Александръ Постельниковъ.
2. Александръ Салтановъ.
3. Владиміръ Ланцкаронскій.
4. Дмитрій Шереметевскій (*Воспит. Москов. Воспит. Дома*).
5. Августъ Жизневскій.

6. Сергѣй Перевощиковъ.
7. Осипъ Милишевскій.
8. Александръ Тарачковъ.
9. Павелъ Шеремешевскій (*Воспит. Москов. Воспит. Дома*).
10. Александръ Минъ.
11. Дмитрій Филимоновъ.
12. Матвѣй Дмитріевъ.
13. Николай Салтановъ.
14. Алексѣй Пашковъ.
15. Викторъ Ильинъ.

Юридическаго Факультета:

1. Петръ Боклевскій.
2. Михаилъ Аристовъ.
3. Николай Кондорскій.
4. Романъ Гиппіусъ.
5. Дмитрій Сессаревскій.
6. Неофитъ Лебедевъ.
7. Василій Соколовъ.
8. Ванделинъ Шумовичь.
9. Николай Васильевъ.
10. Феликсъ Остромецкій.
11. Александръ Царскій.
12. Николай Исаевъ.
13. Владиміръ Ауербахъ.
14. Эдмундъ Оппичь.
15. Савва Костаревъ.
16. Михаилъ Блудовъ.
17. Василій Королько.
18. Антоній Мейснеръ.
19. Іосифъ Крынскій.
20. Игнатій Бенкевичь.
21. Станиславъ Выджга.
22. Казиміръ Стаховскій.
23. Александръ Стаховскій.
24. Николай Карповъ.
25. Петръ Реймерсъ.
26. Ѳедоръ Гросвальдъ.
27. Николай Донничь.

III. Званія Лекаря.

1-го Отдѣленія :

1. Василій Преображенскій. } съ отличіемъ. } *Казенные воспитанники.*
2. Петръ Преображенскій. } съ отличіемъ. } *Казенные воспитанники.*
3. Андрей Молчановскій. } съ отличіемъ. } *Казенные воспитанники.*
4. Алексѣй Раменскій.
5. Іосифъ Добровольскій.

6. Николай Лясковскій.
7. Яковъ Поповъ (*Казенный Воспитанникъ*).
8. Николай Шнаубертъ.
9. Владиміръ Россовскій.
10. Иванъ Флоренскій. } *Казенные воспитанники.*
11. Флавій Шкляревскій. }
12. Алексѣй Сперанскій.
13. Петръ Поповъ. } *Казенные Воспитанники.*
14. Михаилъ Леонтьевъ. }
15. Павелъ Лиловъ. }
16. Николай Шайтановъ. }
17. Харлампій Кабановъ.
18. Петръ Остроумовъ. } *Казенные Воспитанники.*
19. Николай Уточникъ. }
20. Іосифъ Ждановичъ. }
21. Иванъ Красовскій.
22. Михаилъ Марковъ.
23. Яковъ Никольскій (*Казенный Воспитанникъ.*)
24. Степанъ Емельяновъ.
25. Степанъ Синявскій. } *Казенные Воспитанники.*
26. Василій Медвѣдковъ. }
27. Иванъ Свѣтозаровъ. }
28. Ѳедоръ Александровскій. }
29. Модестъ Краузе. } *Воспитанники Московск. Воспитат. Дома.*
30. Михаилъ Голицынскій. }
31. Иванъ Зражевскій. } *Казенные Воспитанники.*
32. Александръ Скворцовъ. }
33. Александръ Смирновъ (*Воспит. Моск. Восп. Дома*).
34. Николай Беркутъ.
35. Дмитрій Розовъ. } *Казенные Воспитанники.*
36. Иванъ Малиновъ. }
37. Александръ Матвѣевъ.
38. Вильгельмъ Каде.
39. Никита Шереметевскій (*Воспит. Москов. Восп. Дома*).
40. Семенъ Кутеповъ.
41. Константинъ Персениновъ.
42. Ѳедоръ Песоченскій (*Казенный Воспитанникъ*).
43. Александръ Морозовъ.
44. Василій Смирновъ (*Воспит. Моск. Восп. Дома*).
45. Брониславъ Ольшевскій (*Казенный Воспитанникъ*).
46. Александръ Могапо.
47. Осипъ Горбацевичъ.
48. Николай Лисовскій (*Казенный Воспитанникъ*).
49. Албертъ Городенскій.
50. Конкордій Соловьевъ.
51. Георгій Ярошевскій. } *Казенные Воспитанники.*
52. Алексѣй Виноградскій. }
53. Иванъ Яворскій.

54. Василій Алонкинъ.
55. Василій Шереметевскій (*Воспит. Москов. Восп. Дома*).

2-го Отдѣленія :

1. Рихардъ Домбровскій.
2. Іосифъ Румшевичь.
3. Иванъ Березинъ.
4. Михаилъ Соболевскій.
5. Отто Байеръ (*).

} *Казенные воспитанники.*

На основаніи 103 ст. Устава, за лучшія сочиненія на заданныя темы (**), награждаются медалями, *золотыми*: въ 1-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета: Кандидатъ *Петръ Поповъ*, во 2-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета: Дѣйствительный Студентъ *Антонъ Смолякъ*; *серебряными :* во 2-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета: Кандидатъ *Пафнутій Чебышевъ* и Студентъ *Николай Горлицынъ*; въ Юридическомъ Факультетѣ: Дѣйствительный Студентъ *Петръ Боклевскій*; и сверхъ того признано достойнымъ похвалы разсужденіе удостоеннаго званія Дѣйствительнаго Студента *Саввы Костарева.*

Въ настоящее время въ Московскомъ Университетѣ находится: 1) *по части ученой и учебной:* Почетныхъ Членовъ 29, Профессоровъ 32, Адъюнктовъ, Лекторовъ и другихъ Преподавателей 20, Прозекторовъ и ихъ Помощниковъ 4, Чиновниковъ при учебныхъ заведеніяхъ 6; 2) *по части хозяйственной и полицейской:* Инспекторъ Студентовъ, Помощниковъ его 6, Штатныхъ Чиновниковъ и Канцелярскихъ служителей 28; при Типографіи Чиновниковъ и Канцелярскихъ служителей 27; 3) *учащихся:* Кандидатовъ 30, Дѣйствительныхъ Студентовъ 60, Лекарей 60, продолжающихъ ученіе Студентовъ и Слушателей 702.

(*) Имена и фамиліи Кандидатовъ, Дѣйствительныхъ Студентовъ и Лекарей означены здѣсь въ томъ порядкѣ, въ которомъ они слѣдуютъ по степени познаній, оказанныхъ на испытаніи.

(**) На полученіе медалей заданы были для сочиненія темы: въ 1-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета: *о Татищевѣ и его Исторіи*; во 2-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета: *о числовомъ рѣшеніи Алгебраическихъ уравненій высшихъ степеней*; въ Юридическомъ Факультетѣ: *о политическихъ системахъ Государствъ Европейскихъ, съ начала Новой Исторіи до настоящаго времени.*

Вѣдомость о числѣ Преподавателей и Учащихся, въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ, за минувшіе пять лѣтъ, со времени преобразованія Университета по новому Уставу.

	1836/7	1837/8	1838/9	1839/40	1840/41
Профессоровъ и другихъ Преподавателей....	43	47	48	53	54
Вновь поступившихъ въ Университетъ......	159	217	180	268	330
Вообще Студентовъ и Слушателей во всѣхъ курсахъ:					
Въ 1-мъ Отдѣл. Философскаго Факультета	68	99	107	115	117
Во 2-мъ Отдѣл. Философскаго Факультета	62	115	122	166	172
Въ Юридическомъ Факультетѣ..................	135	163	203	252	284
— Медицинскомъ	176	234	245	265	359
Итого........	441	611	677	798	932
Окончившихъ курсъ ученія и получившихъ ученыя степени и званія					
Кандидатовъ		19	19	32	30
Дѣйствительныхъ Студентовъ	(*)	30	34	36	60
Лекарей		22	34	26	60

(*) Въ 1836—7. акад. году не было производства въ ученыя степени и званія, по случаю прибавленія еще одного года къ полному курсу Университетскаго ученія, согласно новому Уставу.

